

[Polaris]

Антонин СЕЛЬ

БУНТ МАШИН

Фантастический роман

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXI

Salamandra P.V.V.

Антонин Сель

БУНТ МАШИН

Фантастический роман

Salamandra P.V.V.

Сель А. (П. Адам)

Бунт машин: Фантастический роман. Пер. с фр. под ред. Н. Казмина. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 120 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXI).

Что случится, если все машины и механизмы, верой и правдой служащие человеку, вдруг... объявят забастовку? Калейдоскоп захватывающих событий в фантастическом романе французского писателя А. Селя (П. Адама), написанном в 1920-е годы, разворачивается на фоне истории любви, финансовых махинаций и амурных интриг полусвета.

.

АНТОНИН СЕЛЬ

Антонин Сель

БУНТ МАШИН

Фантастический роман

I

На двери была надпись: «Входите без стука».

Нажав ручку и толкнув дверь, вы оказывались лицом к лицу с Брассер-д'Аффером*. Это был бритый человек неопределенного возраста, с маленькими пронизывающими глазками и четырехугольным подбородком. Сидя за своей конторкой, он внимательно оглядывал вас, когда вы входили в контору.

Направо от него помещался телефон, налево — часы; перед ним лежал блокнот, а вокруг него — папки. Он не любил лишних слов. Его девизом было: сжатость, точность, решительность, действие.

* * *

В это утро г. Брассер.-д'Аффер, не обращая внимания на игристые лучи апрельского солнца и на уличный шум, в промежутке между двумя разговорами по телефону знакомился с делом, которое он собирался начать. Чтобы достать кое-какие документы из конторки, он поднял голову. В эту минуту дверь отворилась и вошел субъект неказистой наружности. Его худоба и бледность, поношенная куртка, небрежно завязанный галстук, невыутюженные брюки и плохо вычищенные ботинки доказывали, что он принадлежит к классу неимущих. Брассер-д'Аффер, приняв его за посыльного, протянул руку.

— Ну, живее, давайте, — произнес он. — От кого?

— От меня самого, — улыбнулся пришедший.

Брассер-д'Аффер нахмурил брови. Незнакомец продолжал:

* По-французски дословно значит: деляга.

— Вас смущают моя худоба и мой более чем скромный костюм. Прошу извинить меня и за то и за другое. Я веду такой образ жизни, что потолстеть никак не могу, а что касается костюма, то я не кокетлив. Но думаю, что если бы я стал заниматься коммерческими делами, то у меня в настоящее время был бы в руках капиталец не меньше вашего.

— А пока что, и раз у вас нет своего капитала, вы надеетесь кое-что урвать у меня, — с иронией прервал его Брассер-д'Аффер. — К сожалению, друг мой, я недолголюбиваю попрошаек.

— Я не попрошайка, — запротестовал неизвестный. — Посмотрите на меня, на мое лицо, на глаза, разве в них есть хоть тень попрошайничества?

В самом деле, у него был большой открытый лоб, ясные глаза.

— В чем же дело? — уже с некоторым любопытством спросил Брассер-д'Аффер.

— Я — секретарь Союза машин.

— Ах, черт побери, — воскликнул Брассер-д'Аффер. — Только этого еще недоставало, — и он троекратно нажал кнопку электрического звонка.

— Нет, нет, я не сумасшедший, будьте покойны, г. Брассер-д'Аффер. И смею вас заверить, что намерения у меня самые мирные. Вы не найдете у меня ни кастета, ни дубины, ни браунинга. Я явился к вам как посол, или лучше сказать, как делегат от котлов, приводных ремней, токарных и столярных станков, пил и всяких других машин, изнашивающих на принадлежащих вам фабриках и заводах. Вам кажется странным, что машины выражают свою волю? Вы, конечно, никогда не подозревали, что они обладают ярко выраженной личностью, характером, темпераментом; вы ничего не знаете об их уме, впечатлительности, об их капризах, о способности быть сострадательными, о размышлениях, которым они предаются в те часы, когда им не надо задыхаться, стонать, обливаться потом для того, чтобы наполнять деньгами ваши сундуки. Машина — есть машина, — так думаете вы, ваши соседи, ваши...

Появление лакея-гиганта прервало оратора.

— Проводите господина, — приказал Брассер-д'Аффер.

«Секретарь Союза машин» сделал протестующий жест, но хозяин дома поспешил выйти из комнаты. Лакей шагнул вперед и схватил посетителя за шиворот.

— Я уйду и сам, оставьте меня, — тихо, но внушительно произнес гость. — Я уйду, но ваш хозяин раскается в том, что не выслушал меня до конца, раскаются и все остальные хозяева. Пусть на них всех падет ответственность за то, что произойдет... Да не толкайте же меня так, вы видите, я ухожу.

Спровокадив «секретаря», лакей направился с докладом к Брассер-д'Афферу; по дороге он подобрал маленький бумажник, оброненный посетителем во время борьбы. В бумажнике лежали: фотография владельца, три листка, исписанных алгебраическими формулами и несколько визитных карточек, на которых значилось:

*Homo**

— Эта скотина заставила меня потерять целых одиннадцать минут, — пробурчал Брассер-д'Аффер, — и, усевшись снова между телефоном и часами, углубился в изучение проекта, начав с того места, где он остановился, когда его прервали. Недаром его девизом было: сжатость, точность, решительность, действие.

II

Молодая девушка распахнула окно и тотчас же поддалась очарованию пробуждающейся весны. Как радостно было кругом! Легкий голубоватый туман покрывал тонкой

* Homo — по-латыни «человек».

пеленой деревья; капли росы казались алмазами, рассыпанными на изумрудных лужайках. При этом чудесном освещении, при этом теплом веянии душистого ветерка не хотелось вспоминать о вчерашнем холодном ветре, о канувшей в лету суровой зиме. Пели дрозды; кружившиеся в воздухе ласточки приветствовали своим нежным оебетанием большой город, непрерывно гудевший, как огонь в кузнице.

Облокотившись на перила балкона, девушка упивалась весной, улыбаясь ей, как любимой сестре. Внутри ее все ликовало. Ах, какое счастье жить, дышать, чувствовать себя молодой среди обновленной природы. Минуты казались ей мгновениями и каждое из них приносило с собой новую неизведанную радость.

— Мадемуазель, вот вам почта, — услышала она голос своей компаньонки.

Приветливо кивнув головой и поблагодарив улыбкой, она взяла протянутую ей кипу писем и газет. Это повторялось ежедневно, в один и тот же час.

Компаньонка сказала:

— Засыпали вас приглашениями. Скоро вся неделя будет заполнена. Не забудьте, что сегодня днем мы должны посетить выставку кружев, затем салон аквафортистов; мы приглашены также на чай; вечером же предстоит генеральная репетиция.

Девушка поправила свои волосы.

— А кроме того? — спросила она с гримаской.

— Утром теннис.

— Нет.

— Вы не пойдете?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что слишком много солнца, синевы, блеска.

Я хочу одиночества.

— Но ваши поклонники...

— Мне надоели эти господа, у которых головы набиты соломой...

— Если бы они вас слышали...

— Я им не раз говорила это и в глаза.

— О!

— Даю вам слово.

— И тем не менее они продолжают за вами ухаживать?

— Да ведь им нужны деньги моего отца, а не я... Ах, как они все мне надоели. И как надоели все эти поездки по магазинам, выставкам, эти танцевальные вечера, репетиции, концерты! Всегда одинаково, всегда одно и то же. Отвратительно и страшно скучно.

От удивления компаньонка даже побагровела.

— Вы никогда раньше так не говорили, — наконец произнесла она.

— Вероятно, потому, что я сегодня особенно сильно чувствую весну, — улыбнулась девушка. — Весна пробуждает во мне жажду свободы, чистого воздуха, деревенского простора, цветов, но не тепличных, травы, но не подстриженной, как в английских парках. А на вас разве не действует весь этот чарующий блеск весны? Неужели вы еще не устали от зимних визитов и церемонных поклонов... Ах, я хочу попросить папу купить нам домик где-нибудь в глухой провинции, если можно — на берегу речки и вдали от железной дороги. Я буду носить там шляпу из грубой соломы и деревянные башмаки... Вы не можете себе представить, моя дорогая, как тяготят меня город и светская жизнь. Я не могу больше выносить окружающей нас толпы раскрашенных фигляров, и мне хочется бежать от них.

— Вы сумасбродка, — ласково пожурила девушку ее компаньонка. — Конечно, нет ничего удивительного в том, что сегодня вам хочется гулять, а не сидеть взаперти. Но жаловаться на свою судьбу, когда вам еще не минуло 22 лет...

Возмущенная снисходительным тоном компаньонки, девушка вспыхнула:

— Я не жалуюсь на судьбу. Я возмущаюсь потому, что вижу вокруг себя только напыщенность, ходульность. И потом, что значит «не минуло 22 лет»? Разве двадцатидвухлетние глаза видят иначе? Разве двадцатидвухлетнее сердце не так же бьется? Меня забавляют люди, воображающие, что мудрость приходит вместе с морщинами, и я едва удерживаюсь от смеха.

живаюсь от смеха, когда они с высоты своего величия называют меня девчонкой. Ну, да, я — девчонка, и я хотела бы быть еще моложе и еще шаловливее.

— Ну, шаловливости вам сейчас не занимать статью, — заметила компаньонка. — Однако, я согласна признать, что в одном вы правы: действительно, последнее время мы порядком измотались и ваши нервы расшатались. В этом отчасти и моя вина. Но я надеюсь, что летом мы отдохнем. О планах на лето мы еще поговорим, а сейчас извините меня, — я должна пойти распорядиться на кухню.

Повернувшись лицом к закрывшейся двери, Гамина* пожалала плечами. Она поняла, что исповедалась перед человеком, ее не понимавшим.

Выросшая без матери, она научилась прекрасно разбираться в окружающей ее обстановке и часто в ее смехе сквозь веселость проскальзывала ирония. Будь она некрасива и бедна, она стала бы бунтовщицей и революционеркой. Но красота и богатство не позволяли развиваться этим ее чертам.

Гамина распечатала и бегло пробежала письма, принесенные компаньонкой. Ничего интересного. Развернула газеты: политика, происшествия, — как все это банально, глупо, ничтожно. Весна, забытая во время разговора, снова предстала перед ее взором, и снова сердце ее наполнилось безмерной радостью. Весна не обманет... Какая красота, какое очарование! Легкий туман рассеялся, синева небес стала еще гуще, там и сям распустились новые цветы. Откуда-то издали доносился звон полуденного колокола.

* * *

Гамина прошла в столовую, где уже сидел ее отец.

* По-французски значит — подросток, сорванец.

— Здравствуй, Гаминочка, — обратился к ней Брассер-д'Аффер, — позволь тебе представить г. Трепидекса; он будет завтракать с нами. Г. Трепидекс, это моя дочь...

Молодой человек, которого Гамина сначала не заметила, потому что он сидел в кресле за дверью, быстро встал и поклонился.

— Я очень рад, мадемуазель, — пробормотал он. — Смею надеяться, что вы окажете нам честь и примете наше предложение, о котором я только что говорил вашему отцу...

— За стол, за стол, — улыбнулся Брассер-д'Аффер, — вы расскажете обо всем за завтраком, мой друг. Я страшно голоден.

Вошла компаньонка, и все уселись за стол. Сделав глоток вина, Трепидекс начал.

— Как известно вашему отцу, я состою президентом «Клуба неистовых». По моей инициативе организуется «Неделя безумств». Вы представляете себе, в чем она будет заключаться? Всевозможные спортивные состязания и гонки, так сказать, завоевание пространства. Словом, мы вызовем к жизни все волевые импульсы, всю энергию наших членов и гостей и в то же время устроим грандиозную выставку, покажем последние достижения в области техники, которыми вправе гордиться люди нашего времени.

В качестве одного из «людей нашего времени» Трепидекс выпятил грудь и окинул своих собеседников взглядом, полным уверенности. Глаза его блестели, ровные белые зубы сверкали из под небольших подстриженных усов; он ждал восклицания, знака одобрения...

«Что касается тебя, — подумала про себя Гамина, — ты принадлежишь к людям, говорящим, как заведенная машина».

Компаньонка покачала головой; Брассер-д'Аффер пробормотал:

— Великолепно, великолепно!

Трепидекс продолжал:

— О наших празднествах будут долго говорить, уверяю вас. Я мечтаю о воздушных и подводных балах на гигантских аэропланах и подводных лодках; у нас будет оркестр

из 3000 человек, и звуки его будут передаваться по радио; специальные аппараты зафиксируют отдельные моменты, и главные газеты всех стран моментально их воспроизведут, так что весь земной шар станет свидетелем наших увеселений. Конечно, выполнение нашей идеи потребует предварительной подготовки. Мы должны будем привлечь к сотрудничеству с нами инженеров и финансистов. Ведь понадобятся дополнительные провода для передачи электрической энергии, придется построить трибуны, понтоны, набережные, оборудовать питательные пункты, наконец, надо будет перевозить, кормить, дать приют огромным толпам людей. Ваш отец, восхищенный нашим проектом, рассматривает его с коммерческой точки зрения и составит нам смету. Он, я надеюсь, возьмет на себя всю практическую и техническую сторону дела, и это позволит мне отдаться художественной стороне, быть руководителем этой сферы, стать королем праздника, как говорят мои друзья по клубу. Они единогласно наградили меня скипетром и короной, и я не мог отказаться, чтобы не обидеть их. И вот теперь его величество снисходит до просьбы: нам нужна королева... Я подумал о вас, мадемуазель.

— Да, господин Трепидекс подумал о тебе, — подтвердил, просяив, Брассер-д'Аффер.

Гамина не шевельнулась. Трепидекс продолжал:

— Звание королевы принесет вам необыкновенную славу; ваш портрет появится во всех больших газетах и журналах... Вы согласны, правда?

— Я должна обдумать ваше предложение, — ответила Гамина.

Трепидекс, удивленный колебанием Гамины, решил, что в ней говорит скромность.

— Ну, разумеется, мадемуазель, — объявил он, — я подожду, хотя, сказать откровенно, мы очень торопимся. Ведь может так случиться, что какой-нибудь другой клуб воспользуется нашей идеей и опередит нас. А это будет ужасно.

— Катастрофично! — подтвердил Брассер-д'Аффер.

Но молодую девушку не испугала возможность катастрофы.

Трепидекс еще несколько раз возвращался к своему предложению, но по-прежнему безуспешно.

* * *

— Ну, ты довольна? — спросил Брассер-д'Аффер Гамину, когда Трепидекс ушел. — Ты будешь блистать в свете... Поцелуйте меня, ваше величество.

Отец был в восторге. У этого человека были две страсти — дочь и деньги. Черствый эгоист, разоритель людей, не останавливающийся ни перед какими препятствиями, употреблявший все усилия на то, чтобы добиться наживы, увеличить свой доход; то волк, то шакал, действующий с одинаковым успехом и в открытую и из засады, — Брассер-д'Аффер дома превращался в добродушнейшего папашу, нежного обожателя своей девчурки.

С первых же дней вдовства он перенес свою любовь на ребенка. Ее слабость, невинность, чистота смягчали его жесткость и наполняли его сердце нежностью и гордостью, не говоря уже о том, что отдых около ребенка восстанавливал силы дельца, необходимые ему в погоне за наживой.

С течением времени девочка превратилась в девушку, почти в женщину; всюду, где она появлялась, ее красота производила впечатление; молодые люди увивались около нее; до отца долетали отзвуки то восхищения Гаминой, то зависти к ней. Вскоре ему стало этого мало: тщеславие заставляло его стремиться к головокружительному, всех затмевающему успеху. В то же время радость его постоянно омрачалась страхом, что недалек тот день, когда дочь покинет его ради того, кого она назовет своим мужем...

Гамина обвила руками шею отца и поцеловала его. Брассер-д'Аффер прошептал:

— Я тоже очень доволен. Ты меня насмешила фразой — «я должна обдумать». Кокетка. Я сейчас протелефонирую Трепидексу...

— Да, чтобы сказать ему, что я отказываюсь.

Брассер-д'Аффер отшатнулся от Гамины.

— Отказываешься? Быть не может.

— Отказываюсь, — повторила дочь.

— Но почему?

— Потому...

— Трепидекс тебе не нравится?

— Нет, нет...

— Так в чем же дело?

— А в том, что все эти «безумства неистовых» меня ничуть не прельщают. В этом все и дело.

— В этом все и дело? — переспросил Брассер-д'Аффер.

— Не понимаю.

— Знаешь, о чем я собиралась тебя попросить, когда ты меня знакомил с Трепидексом? Купи мне простую дачу, подальше от города, где бы я могла мирно пожить летом. Небольшой домик.

Ошарашенный отец схватился за голову.

— Ты сошла с ума? — простонал он. — Простую дачу? Небольшой домик? Провести там мирно лето?.. Положительно рехнулась!..

— Папа, — сказала Гамина, — я в полном рассудке. Что удивительного в моей просьбе?

— Значит, я совсем не иду в счет, — воскликнул делец. — Ты не хочешь доставить мне удовольствие? Ведь ты знаешь, как я бываю счастлив, когда вижу, что ты окружена восхищенной толпой, когда слышу похвалы тебе. И ты хочешь лишить меня этого. Гамина, я никогда ни в чем тебе не отказывал, но сейчас прошу: согласишься; пусть твой трон возбудит зависть у всех. Не лишай меня удовольствия. Я тебя так люблю, моя детка.

Гамина молчала.

— К тому же, — продолжал Брассер-д'Аффер, ободренный этим молчанием, — тут затронуты и мои интересы. Ты слышала, что я должен взять на себя коммерческую часть

всего дела. Понимаешь, что это значит? Если мы обидим Трепидекса, дело сорвется, и твой отказ обойдется мне очень дорого. Долг дочери должен подсказать тебе, как надо поступить. Ты можешь презирать почести, но не лишай меня возможности извлечь из них деловую пользу.

— Хорошо, я соглашусь. Но при условии, что ты все-таки купишь мне дачу.

— Хоть сейчас. Завтра. Сегодня вечером. Я поручу это дело агенту.

Гамина захлопала в ладоши.

— Поцелуй меня, папка, — затараторила она.

Брассер-д'Аффер просиял.

— Ах ты, чертенок, — погрозил он Гамине. — У меня не дочь, а козочка, и одна из самых капризных.

Совершенно успокоившись, он вынул сигару и стал рассказывать о том, что делал утром. Сунув руку в карман за коробкой спичек, Брассер-д'Аффер нащупал бумажник, переданный ему лакеем, и крайне удивился.

— Ах да, — вспомнил он, — совсем забыл. Еще один полуумный, и притом самый настоящий. Не желаешь ли полюбоваться портретом секретаря «Союза машин»?

Гамина открыла бумажник и вынула оттуда фотографию молодого человека.

— Ну и физиономия, — улыбнулась она, — урод. Почему он тебе презентовал свою фотографию?

— Она выпала вместе с бумажником из его кармана. Что ему от меня было нужно? Шут его знает. Достаточно того, что приходит джентльмен и заявляет, что машины организовали союз...

Отец и дочь от души расхохотались.

III

Обозрение «Обнаженная» пользовалось огромным успехом. В первой картине появлялось 30 девиц, украшенных только голубыми лентами. Освещенные прожекторами, они

выделывали всевозможные па под звуки оркестра. Во второй картине те же девицы, но уже с розовыми лентами, маршировали в разных направлениях. В третьей опять эти же девицы, на этот раз с лиловыми лентами, дефилировали с корзинками в руках мимо крикливой торговли... Всего было 15 картин, следовательно, 15 перемен лент и 15 песенок. Публика валила валом.

— Пишите как можно больше глупостей, — советовал всегда авторам директор «Артистического мюзик-холла». — Публика, как вы знаете, не любит ломать себе голову; к тому же, большинство наших посетителей иностранцы — все равно им непонятен текст. Кричащие декорации, отсутствующие костюмы, цирковой и уличный жаргон, побольше грубого юмора и сальностей, две или три выигрышных роли, куплеты на злобу дня, и готово. За успех ручаюсь.

И действительно, обозрение давало полные сборы и шло уже в 200-й раз. Директор потирал руки, авторы его, успевшие настрять 12 подобных обозрений, смотрели свысока на драматургов, мечтавших о поэзии и вдохновении.

* * *

В этот вечер публика зрительного зала была настроена исключительно восторженно. Три тысячи рук дружно аплодировали перед началом, посередине и в конце каждой картины. Воодушевление зрителей передалось и на сцену. Все шло великолепно, как вдруг директору дали знать, что Каботина еще не приехала.

Каботина была заключительным гвоздем спектакля: она появлялась в 15 картине, а сейчас шла уже 14-я. Директор кинулся в кабинет и протелефонировал:

— Алло! Мадемуазель Каботина больна?

— Нет, сударь, — ответил женский голос. — С кем я говорю?

— С директором мюзик-холла.

— А я горничная мадемуазель. Мадемуазель уехала в свое время в театр.

— Чтoб ee черт побрал! — зарычал директор. — Куда же она девалась? Уже половина двенадцатого.

— Право, не знаю, г. директор. Я удивлена не меньше вас.

Директор повесил трубку и поспешно направился на сцену, где кончали приготовления к 15-й картине. 30 девиц становились по местам. Все они были вооружены деревянными ножами в виде алебард, которыми они должны были разрезать огромный пирог из папье-маше, откуда каждый вечер выпархивала Каботина в костюме Евы и восклицала: «Ну, малютки, если вы не любите жаворонков, вам можно будет дать касторки». Эффект получался сногсшибательный; вся зала начинала кричать, вопить, топать ногами, и среди этого шума выдавались отдельные восклицания: «Ах, какая непринужденность! Какие глаза! Какая фигура! Она застраховала свои ножки в 5 миллионов. По 2½ миллиона каждая. О-го-го!»

Вслед за тем эти 5-миллионные ножки начинали танцевать вокруг пирога, а 30 девиц, выстроившись в глубине сцены, отбивали такт.

— Чтo я буду делать? — бормотал директор. На лбу у него выступил пот.

Одна из 30 девиц подошла к нему и сказала:

— А разве я не гожусь для этой роли? У меня тоже есть ноги, хотя они и не застрахованы.

— Ты права, Сюзан, — встрепенулся после непродолжительного размышления директор. — Эти дураки не разберут, они увидят только тело...

— Ах, нет, — с гримаской ответила фигурантка, — они должны не только видеть, но и знать. Я уже давно мечтаю выдвинуться. Сюзан не хуже Каботины. Публика в этом удостоверится.

— Я анонсирую о замене в последний момент, — уступил директор. — Может быть, это и не так уж плохо: публика любит неожиданности. Ну, а Каботине теперь не сдобровать... Иди, Сюзан, переодейся, или лучше сказать, пой-

ди совсем разденыся.

Через две минуты Сюзан уселась внутри пирога, и занавес взвился. Оркестр заиграл шимми; вошли два людоеда, обнюхали пирог и закричали: «Здесь пахнет свежим мясом».

В зале раздался обычный смех. Уже поднялись ножи... Как вдруг на сцену вышла Каботина в меховой шубке и шапочке

— Стойте! — закричала она.

Музыка смолкла, музыканты подняли головы, а 29 женщин, позабыв заученный урок, опустили свои ножи... Каботина сбросила шубку, а под шубкой не было больше ничего. Голая Каботина обратилась к публике:

— Господа, я опоздала, прошу принять мои извинения, хотя я и не виновата. По дороге сюда мой автомобиль потерпел крушение. Крушение подстроил шофер, который был подкуплен князем Волкани, собиравшимся меня похитить. Я не люблю князя, сумела его как следует отшить, а шофера выгнала. Вот и все! — И, обращаясь к женщинам, толпившимся на сцене, она добавила: — А теперь, девицы, если вы не любите жаворонков, вам можно будет дать кас-терки... Начинайте, маэстро.

Директор мюзик-холла и авторы этого пошлейшего обозрения никогда еще не присутствовали при таком триумфе, какой пал сегодня на долю Каботины.

Сидя в своей засаде, Сюзан все слышала и плакала от злости: 5-миллионные ножки Каботины опять помешали ей встать на путь к известности. Занавес поднимался десять раз, и каждый раз зал разражался бешеными аплодисментами.

Толстый директор чуть не задохся от радости, авторы чувствовали себя на небесах.

* * *

Возвращаясь в свою убогую, Каботина наткнулась на Трепидекса, своего друга сердца.

— История с Волкани шутка, не правда ли? — спросил он.

— Истинная правда, мой мальчик. Пойдем куда-нибудь поужинать, но только где полуднее. Мне нужны шум и движение.

Одевшись, Каботина взяла под руку Трепидекса и вышла вместе с ним на улицу. Публика медленно расходилась, автомобили гудели, вызывая своих владельцев.

— Я заехал сюда на минутку, — произнес Трепидекс, — чтобы предупредить тебя, что я в ближайшие дни буду страшно занят и не смогу с тобой встретиться. Так, например, сегодня ночью...

— Даже ночью?

— Именно. В час я должен быть в клубе по важному делу...

Каботина нахмурила брови и устремила на Трепидекса недоверчивый взгляд.

— Ты не веришь? — спросил он. — Ну так поедем со мной, и ты убедишься; только я смогу проводить тебя домой не ранее, как завтра утром; ты страшно устанешь...

— Это неважно. К тому же, я не желаю еще раз встречаться с князем. Этот дурак объявил, что не считает себя побежденным и будет караулить меня у дома, не боясь скандала. Надеюсь, что ты его образумишь?

Они подошли к автомобилю Трепидекса.

— Садись, — кинул Трепидекс.

Они уселись — он у руля, она налево от него...

Резкий толчок, поворот, быстрая езда по пустынным улицам, новый поворот и остановка у кафе «Венера». Когда они вошли в тамбур ночного ресторана, на них пахло духами, тушеным мясом, тонкими винами и крепким табаком. Хозяин засуетился:

— Сюда, сюда, господа, вот свободный маленький столик.

Но издали им уже делали знаки друзья, среди которых находились Петара, авиатор, известный рекордист, Форсинг, прославленный боксер. Каботина согласилась подсесть к ним и все принялись за еду под звуки джаз-банда.

Среди столов кружились пары; группа подвыпивших мужчин старалась перекричать оркестр; лакеи «Венеры» приплясывали между танцующими, стараясь пронести благополучно подносы, заставленные блюдами и бутылками. Мало-помалу этот водоворот захватывал и наиболее спокойных. Вставали с полным ртом, дожевывая куски во время танца, смеялись над своим безумием, но уносились в испуганной сарабанде, отражавшейся в висевших кругом зеркалах.

— Не выпить ли нам пуншу? — предложил Петара.

— Нет, старина, некогда, — ответил Трепидекс, посмотрев на часы, — мне нужно в клуб.

— Ах, черт побери, я забыл, ведь и мне тоже, — вспомнил авиатор.

— И мне, — присоединился Форсинг. — Где будет заседание?

«Клуб неистовых» отличался от прочих клубов тем, что его заседания не происходили более трех раз в одном и том же месте. Президенту был предоставлен свободный выбор места; заседания бывали и днем и ночью. Секретарь рассылал приглашения членам по телеграфу, но так как Форсинг и Петара не были дома уже два дня, Трепидекс им сообщил:

— Набережная Озарбр, через 20 минут, на яхте графини Гандур.

Была ли графиня Гандур действительно графиней — никто доподлинно не знал. Ей было не то 40, не то все шестьдесят лет; она была либо француженка, либо испанка, а может быть и американка. Она была чертовски богата, писала стихи, хорошо ездила верхом, сама управляла автомобилем, говорила речи на разных светских торжествах, присутствовала на дебатах в парламенте и в академиях, на скачках, на национальных и интернациональных спортивных празднествах, принимала участие в литературных жюри. Владела яхтой, которая или стояла на якоре на реке или же бороздила воды дальних стран, о чем подробно сообщали ежедневные газеты и еженедельники.

— Через 20 минут? — спросил Форсинг. — Надо спешить.

Уплатив по счету, приятели выбрались из ресторана и расселись по автомобилям. Трепидекс открывал шествие или, вернее, бег, Петара следовал за ним на расстоянии 30 метров, за ними Форсинг. Моторы гудели, как шмели. На повороте Трепидекс увидел двух блузников, служащих Электрической Компании, возвращавшихся с утреннего обхода. Они резко отскочили в сторону и разразились ругательствами. Форсинг на это презрительно рассмеялся. Спустя минуту спортсмены были уже на берегу реки. Освещенные иллюминаторы яхты казались яркими лунами среди ночного мрака. У входа на мостик, где копошились какие-то тени, горел фонарь.

Каботина, в голове которой слегка шумело от выпитого шампанского, смеялась, показывая свои белоснежные зубы и пожимала крепко руки графини Гандур, показывавшей им свой плавающий домик. В квадратном салоне, освобожденном от столов и цветов, собрались наиболее «неистовые» члены «Клуба неистовых». Президента встретили овациями. Когда Каботина и графиня уселись, Трепидекс объявил заседание открытым.

— Прежде чем перейти к порядку дня, — провозгласил он, — мы должны почтить вставанием память наших доблестных товарищей и друзей — Карла Карбю и Мориса Гальваноза, трагически погибших третьего дня. Чтобы поддержать свою репутацию неистовых — прозвище, которым мы все гордимся, — они неслись со скоростью 130 клм., не обращая внимания ни на подъем, ни на спуски, ни на повороты, и были раздавлены экспрессом у местечка Тру-Сюр-Мар. Подвиг их не требует комментариев; я ограничусь только выражением восхищения ими и сожалением об их утрате. Боже вас упаси, однако, сказать — «Да починут они с миром», потому что наш идеал в том, чтобы даже за гробом обрести не покой, а молниеносное движение, вихрь. Пусть же души наших товарищей, безвременно отнятых у нас злой судьбой, непрестанно носятся вокруг нас. Если неистовство и ведет нас иногда к гибели, зато оно дает нам

возможность украшать жизнь.

Раздались аплодисменты. Трепидекс, гордый своим успехом, предоставил слово секретарю, выступившему с докладом по вопросу об устройстве «Недели безумств».

— Сообщение о наших грандиозных празднествах встречено во всем мире с неописуемым энтузиазмом, — сказал он. — Со всех концов света спортсмены письмами, телеграммами и радиogramмами выражают свое согласие принять участие в празднествах. Мы получили так много откликов, что я ограничусь лишь кратким перечислением. Если есть неистовые в нашем государстве, то их немало и по ту сторону границы, — и секретарь потряс кипой писем и телеграмм; и посыпались имена отдельных членов, названия клубов, обществ Европы, Америки, Индии, Китая и Австралии, целый калейдоскоп людей — пожирателей пространства. Предлагали пароходы и поезда; вызывались устроить арены, стадионы, подвижные дортуары, подводные и воздушные рестораны и т. п. Первоначальная программа, таким образом, получала свое полное завершение. Так как каждый день недели должен был праздноваться в различных городах, расстояние между которыми было не менее 600 километров, можно было себе вообразить, сколько понадобится перевозочных средств для того, чтобы перемещать зрителей и артистов из одного города в другой, какую массу труда и энергии придется на это затратить.

Присутствующие, захваченные проектом, вставали один за другим, высказывая свои соображения, которые Трепидекс записывал, чтобы обсудить их потом с Брассер-д'Аффером. Так продолжалось три часа, после чего собрание занялось вопросом о замещении вакансий, освободившихся за смертью Карбю и Гальваноза. Было предложено 3 кандидата. Первого звали Тротинэн. Он был невысокого роста, с брюшком, небольшой лысиной, в золотых очках. Взойдя на кафедру, покинутую секретарем, он начал гнусавым голосом:

— Господа, я буду краток, но точен. Я не богат: всего три миллиона; определенной профессии не имею; путешествую по жарким странам зимой, по холодным — летом.

Мне известны все пляжи, все бальнеологические курорты, отели, где можно хорошо поесть, подвалы с хорошими винами, интересные казино. Я всходил на все горы, доступные для туристов, избородил все судоходные реки; я горжусь тем, что в течение 15 лет я не провел в одном месте более двух недель; я знаю наизусть целые страницы железнодорожных указателей, лично видел все достопримечательности, перечисленные в трех томах Бедекера. В общем, я никогда не совершил ничего полезного: я еду, возвращаюсь, совершаю круговые поездки, поднимаюсь и опускаюсь по лестницам, сплю в спальнях вагонов, читаю только в залах ожидания, одним словом, представляю собою тип истинного непоседы и буду метаться до тех пор, пока мне это официально не запретят.

Это выступление вызвало одобрение. Тротинэна сменил Министрабль — второй кандидат.

— Большинство из вас, господа, знает меня по имени, — улыбнулся оратор. — Я — политик, этим все сказано. Как и мой достопочтенный собрат, которого вы только что слышали, я уверен в своей бесполезности; как и он, я не имею ни минуты покоя. Не протестуйте, г. Тротинэн: я еду, возвращаюсь, совершаю круговые поездки, поднимаюсь и спускаюсь по лестницам, сплю и ем в вагоне, читаю в залах ожидания. Кроме того, я говорю. Подумайте, господа, сколько мне нужно потратить энергии, чтобы, несмотря на усталость от постоянного передвижения, говорить перед толпой о том, что я плохо знаю, а иногда, увы, и совершенно не знаю. Я жонглирую словами, пускаю слушателям пыль в глаза, возбуждаю их страсти и умею внушить им, что я обладаю секретом всеобщего благополучия. Я присутствую везде, где нужно поддержать выборы, прочесть доклад, вести пропаганду, основать какое-нибудь общество, отпраздновать какую-нибудь годовщину, открыть памятник, произнести надгробную речь, тост, подать благой совет. За мной числятся более 800 речей, четыре дуэли на пистолетах, три на рапирах, одна на шпагах; я участвовал в свержении нескольких министерств и, если благодаря моим речам я приду к власти, будьте уверены, что покоя я и тогда не най-

ду. Господа, я надеюсь, что вы правильно оцените мои качества «неистового», и прошу принять меня в число ваших членов.

По тем рукоплесканиям, которыми присутствующие проводили его от кафедры до кресла, г. Министрабль понял, что дело выиграно.

Наступила тишина. Взоры всех искали третьего кандидата. К всеобщему удивлению, Трепидекс попросил слова:

— Г. Жавиль извиняется перед вами за свое отсутствие. Он питает глубокое уважение к членам клуба, но его многочисленные занятия...

— Жавиль... строитель? — прервала графиня Гандур.

— Он самый.

Поднялся ропот:

— Жавиль-фабрикант? Фабриканты не могут быть неистовыми...

— Господа, — отозвался с места авиатор Петара. — Жавиль владеет не только заводами и фабриками, у него есть еще и каменноугольные копи. Он мог бы спокойно спать в своей постели, удовлетворяясь доходами со своих огромных предприятий. Но он делает не так: он превратил автомобиль в рабочий кабинет и спальню. Он всегда мечется и суетится. Чем же объясняется активность этого крупного промышленника, как не врожденной любовью к сутолоке, хлопотам? Он должен быть нашим.

— Я скажу больше, дорогой Петара, — добавил Трепидекс: — кандидат, которого я защищаю, не довольствуется тем, что сам работает без усталости и физически и умственно, он требует того же и от своего персонала: девять часов ежедневного интенсивного труда — вот норма для его служащих.

Приступили к голосованию. Оно было бурным, чему немало способствовало большое количество выпитых ликеров. Жавиль был выбран единогласно, равно как и Министрабль. Тротинэн отнесся к своему провалу стоически.

— Утешением мне послужит быстрая езда в автомобиле и в курьерском поезде, — вздохнул он. — Я отправляюсь на вокзал.

Рассвело. Когда первые лучи солнца позолотили верхушки домов по ту сторону реки, члены клуба простились с графиней Гандур и разошлись в разные стороны; Каботина и Трепидекс снова уселись в мотор.

— Почему ты едешь вдоль набережной? — спросила она удивленно, — разве ты не отвезешь меня домой?

— Нет, мой друг, ведь я же тебя об этом предупреждал... Мы едем к Жавилю. Он меня ждет; я должен лично сообщить ему о результатах голосования,

— Я ему скажу, как горячо ты защищал его кандидатуру.

— Буду благодарен... Тебе не холодно?

— Немного...

И Каботина, запахнув плотнее свою шубку, прижалась к Трепидексу. Автомобиль быстро несся, но должен был то и дело убавлять ход, чтобы не наскочить на грузовики, везущие рабочих на заводы. Деловой город просыпался: люди толпились на тротуарах, спускались в метро, торопились в свои мастерские. Автомобили грохотали по мостовой, поезда — под землей; это была ежедневная мобилизация людей, обращенных в машины, призванных обслуживать стальные чудовища.

— Неказист народ по утрам, — заметила Каботина.

— И к тому же занимает много места, — проворчал Трепидекс. — Нет возможности пробиться сквозь такую толпу.

Между тем их автомобиль добрался до отдаленного поселка, застроенного черными зданиями с высокими трубами. Едкий дым выходил из труб, и стук кузнечного молота смешивался с гудением мотора. Трепидекс уменьшил скорость, сделал крутой поворот и, въехав в монументальные ворота, остановил мотор около крыльца. Он слез первый, за ним Каботина. Секунд через 10 отворилась дверь, они вошли и, пройдя несколько шагов по корридору, очутились в конторе. Там их встретил, улыбаясь, человек среднего роста.

— Дорогой Жавиль, — обратился к нему Трепидекс, — сегодня вечером вы получите членский билет. Вы избраны единогласно.

— Благодаря такому адвокату, как г. Трепидекс, — встала Каботина.

— Премного вам обязан, — ответил промышленник, незаметно подмигнув глазом, что должно было означать: — Мой друг, что я обещал, то исполню, если только получу заказ на работы по проведению «Недели безумств».

Трепидекс сохранял скромный вид, но во взоре его можно было прочесть: «Не беспокойтесь, я все устрою».

В эту минуту раздался резкий отрывистый звонок, и на щите, укрепленном на стене, зажглись 3 электрические лампочки — красная, зеленая и голубая. Каботина полюбопытствовала узнать, в чем дело.

— Это значит, — объяснил Жавиль, — что 2, 3 и 5 смены окончили свою работу. Они обработали полагающуюся им тонну стали в назначенный срок. Вы еще не видали моих мастерских, сударыня?

— Блестящее оборудование, — сказал Трепидекс, — самые усовершенствованные методы, самая высокая производительность.

— У меня превосходные инженеры, — похвастал Жавиль. — Один из них проводит вас, если вы желаете; извините, что я не сопровождаю вас лично, но в 11 часов меня ждут на чугунолитейном заводе в трехстах километрах отсюда...

Каботина и ее друг пожелали счастливого пути Жавилю и направились за главным инженером Криптоном, явившимся на зов патрона. Худой и сгорбленный, Криптон казался старше своих лет; он носил очки, у него был острый нос, тонкие губы, глаза с отблеском стали и резкий голос. Каботина попробовала было соорудить ему глазки, но Криптон на это не поддавался: он питал страсть только к формулам и вычислениям.

— Первейшей нашей задачей является проблема понижения себестоимости, — произнес он в виде предисловия, — поэтому я прилагаю все усилия к тому, чтобы ничто не

пропадало даром. С хронометром в руках нам удалось с точностью вычислить, сколько требуется секунд для нормального человека на то, чтобы поднести железную плиту весом 5 кило к балансиру, чтобы ввинтить 12-миллиметровую гайку, выкрасить ступицу, вбить четыре гвоздя в сосновую крышку и т. п. Наши рабочие, разбитые на смены, получают через каждые 8, 10, 12 минут, смотря по специальности, определенное количество работы, всегда одно и то же, так что, употребляя только необходимые жесты, с определенной скоростью, в определенном порядке, они дают наибольшую производительность и получают за это соответствующее вознаграждение. Таким образом, слабые, ленивые, небрежные автоматически исключаются.

Криптон говорил на ходу, едва повернув голову к своим слушателям. Он отворил дверь, и они очутились перед железной решеткой, сквозь которую увидели гигантский зал, где люди и машины, смешавшись воедино, лихорадочно работали. Потому ли, что люди молчали, а машины стучали, но последние скорее напоминали живых существ, чем первые.

Их шум и грохот загипнотизировали Каботину, и она только спустя некоторое время удостоила взглядом человеческие автоматы, заметив, не без досады, что они почти не обращали на нее внимания. Приставленные к машинам люди были поглощены своей работой, зная, что малейший неправильный жест замедлит на одну десятую минуты окончание данного им задания и это замедление поставит в критическое положение всю смену, когда прозвонит предупредительный звонок, за 30 секунд до истечения положенного срока. Они не вертели жернова, как древние рабы: жернова прогресса вертелись сами вокруг них, они же должны были только снабжать их всем необходимым.

Криптон вдался в технические подробности, но Трепидекс дремал, а Каботина не слушала. Страшно усталые, оглушенные всем этим гамом, чувствуя головокружение среди нескончаемого беснования маховиков, кранов и молотов, Трепидекс и Каботина пожалели, что не отклонили приглашения Жавиля. Едва отвечая инженеру, они при первой

же возможности распрощались с ним и вздохнули свободно только в моторе, который помчал их к центру города.

* * *

— Ты передавишь этих двуногих животных, мой милый, если будешь так нестись, — заметила Каботина, — побереги свои силы для князя Волкани. Может быть, мы застанем его на страже у моего отеля.

Волкани, однако, не оказалось. Трепидекс проводил свою подругу до вестибюля, пожал ей на прощание руку и двинулся обратно, но она его удержала.

— Побудь со мной немного. Нам не удалось поболтать со вчерашнего вечера. Ах, какой ты непоседа.

— Король непосед, мой друг, — улыбнулся Трепидекс, — ты еще не знаешь.

Она прервала его:

— Знаю. Графиня Гандур рассказала мне обо всем сегодня ночью на яхте, пока вы голосовали. Но его величеству королю «Недели безумств» нужна королева, не так ли?

Каботина вопросительно взглянула на Трепидекса; тот скорчил кислое лицо.

— Ах, — пробормотал он, — как они мне надоели.

— Кто?

— Члены нашего клуба. Ты думаешь, что это меня забавляет?

— Из нас выйдет великолепная королевская чета, мой друг.

Трепидекс покачал головой.

— Почему нет? — спросила Каботина.

Трепидекс пожал плечами.

— Вот увидишь, — сказала молодая женщина.

— Нет, не увижу. У меня уже есть королева. Я должен был пригласить...

Каботина побледнела.

— Не сердись... Выслушай меня...
— И ты осмелился сделать это? — взвизгнула Каботина.
— Да, ведь, это было необходимо. Слушай... это так просто... ты же не ребенок. Ты знаешь, каковы мои расходы... Одним словом, как и всем, мне нужны деньги. Мои доходы улетучились; капитал последовал за ними. Я ненавижу арифметику, и мне неприятно говорить с тобой на эту тему, но ты понимаешь, не будет денег, не будет ни авто, ни драгоценностей, ни отеля, ни туалетов, словом — ничего. Какое тебе дело до того, что я собираюсь жениться на богатой наследнице?

— Решительно никакого, — отрезала Каботина. — Любовь — ерунда, но мы говорили о «Неделе безумств».

— «Неделя безумств» служит приманкой, — сознался Трепидекс. — Ты умна, ты понимаешь, в чем дело, я говорю открыто, я женюсь столько же ради тебя, сколько и ради себя; я чертовски честен.

— Черт побери! — воскликнула Каботина.

— Сознайся, что я поступаю хорошо?

— Как ее зовут?

— Гамина Брассер-д'Аффер.

— А... а...

— Ты видишь, она совершенно безобидна.

— Иди к ней и скажи, что вышло недоразумение, что так как «Клуб неистовых» выбрал меня в королевы в твое отсутствие, ты не можешь отменить этого, но ты можешь предложить ей быть фрейлиной.

— Невозможно, — запротестовал Трепидекс.

— Тогда напиши ей.

— Легко сказать...

— И ты думаешь, — произнесла Каботина тоном, не предвещающим ничего хорошего, — что я позволю тебе обокрасть меня?

— Обокрасть?...

— Да, обокрасть. «Неделя безумств» — это театр, а я актриса. Это реклама, а мне как раз и нужна она. Каждая печатная строка обо мне, каждая помещенная в газете фотография увеличат мою ценность; нельзя пренебрегать ни ин-

тервью, ни сплетнями, ни разговорами, чтобы привлечь внимание публики. Читая ежедневно чье-нибудь имя, одно и то же, всякий начинает невольно думать о нем; имя становится известным, равно как и обладатель или обладательница его. Не так-то легко завоевать положение. Три года тому назад я симулировала самоубийство; в прошлом году я застраховала свои ноги; в начале зимы все газеты писали, что я потеряла свои жемчуга; я записалась первой в списке щедрых жертвователей пострадавшим от недавнего землетрясения; я заменила свою собачонку львенком; я носила шляпы с ремнем под подбородком; я разводила горошек в своем салоне, наконец, я взяла тебя в любовники... Да, да, мой друг, ты так жеходишь в мою программу, как и я в твою; за мной ухаживали люди побогаче тебя, все это знают и говорят; я создала тебе известное положение в свете, ты обязан мне своим президентством в Клубе; без меня тебя бы, может быть, и не избрали королем «Недели». И в благодарность за все ты поворачиваешься ко мне спиной и отталкиваешь меня в ту самую минуту, когда я собиралась пожать плоды своей изобретательности. По твоей вине я лишусь всемирной известности, упущу случай, который может не повториться. Ну, нет!

Каботина скрестила на груди руки; глаза ее метали молнии. Трепидекс искал слов, чтобы ее успокоить.

— Ну, полно, — робко начал он, — ты и так знаменита, твой талант...

Она рассмеялась.

— Мой талант. Нет. Мое тело. Я говорю откровенно. Я не артистка. Я сознательно выбрала себе псевдоним — Каботина, актерка. У меня нет таланта, но есть красивое тело и ум. Ты говорил о своих делах, теперь я говорю о своих. Тем хуже для тебя, если ты не понимаешь, что в случае отказа я буду бороться. Женись на Гамине, это твое дело, но я хочу быть королевой и буду... Я буду ею потому, что ты побоишься скандала. Я готова к борьбе; я не побоюсь пойти к Брассер-д'Афферу и отделать и его и его девицу. Куда они суются? Пусть убираются с моей дороги... Даю тебе срок до завтрашнего вечера, чтобы все исправить. Ступай!

Трепидекс колебался.

— Ты шутишь? — бормотал он.

— Ступай! — повторила Каботина.

И так как ноги его не слушались, она взяла его за плечи и вытолкала за дверь.

IV

«Даю тебе срок до завтрашнего вечера».

Трепидекс управлял своим автомобилем, как автомат: его глаза смотрели, но не видели, руки и ноги работали, но помимо воли; все рефлексивные движения воспроизводились машинально; словом, двойник Трепидекса прямо у руля, сам же Трепидекс отсутствовал.

«Даю тебе срок до завтрашнего вечера».

Что делать? От Каботины всего можно было ожидать. И только 36 часов сроку. Перейти в наступление, пригрозить ей револьвером, если она разойдется? Ни к чему не приведет. Каботина поднимет крик, соберет вокруг себя толпу и ускорит тот скандал, которого во что бы то ни стало надо избежать. Попросить Гамину отказаться? Этому ему не хотелось. Напугать Брассер-д'Аффера, рассказав ему про Каботину? Изобразить ее шалой сумасбродкой, способной распустить сплетни в отместку за отнятый у нее призрачный трон, о котором она мечтала? Пожалуй, это было бы лучше всего. Но каково будет положение самого охотника за богатою невестой? Отец Гамины отнесется к нему с недоверием.

* * *

Поставив автомобиль в гараж, Трепидекс зашагал по тротуару, понурая голову.

— Нельзя ли поосторожнее?

Трепидекс извинился, не взглянув на говорившего, которого он толкнул. Повернувшись и снова наткнувшись на чью-то спину, он пришел в себя, поднял голову и заметил, что попал в толпу, стоявшую полукругом перед афишей.

«ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ»,

четко выделялись черные буквы на желтой бумаге.

Заинтересованный Трепидекс остановился и прочитал:

«Машины всех типов и размеров, объединенные в Союз, считают своим долгом предупредить о конфликте, который может разразиться завтра между Союзом и предпринимателями и который может неблагоприятно отразиться на интересах всего населения.

Мы, машины всех типов и размеров, сознавая свое значение и могущество, воодушевлены желанием послужить делу прогресса. Но мы с сожалением должны констатировать, что люди, неправильно понимая сущность прогресса, злоупотребляют нами, ускоряют наш износ и не умеют нас беречь. Мы делегировали нашего секретаря к владельцам заводов и фабрик и лидерам рабочих партий с предложением обсудить сообща создавшееся положение и урегулировать наши взаимоотношения.

Поступая так, мы руководились желанием вернуть человечеству то спокойствие, которого оно лишилось вследствие чрезвычайной нервной напряженности жизни и вследствие того, что от нашей беспрестанной работы постоянно дрожит земля, а сами люди постепенно превращаются тоже в машины от соприкосновения с нами.

Однако, всюду, куда ни являлся наш делегат, его встречали насмешками, оскорблениями и даже побоями.

Подобное отношение предпринимателей и лидеров рабочих партий побуждает нас вступить в борьбу. Мы видим себя вынужденными применить силу, раз с нами отказываются вести мирные переговоры.

Для начала мы требуем, чтобы нам были принесены извинения. Если в четверг лица, оскорбившие секретаря на-

шего Союза, не напечатают в газетах писем с извинениями, мы объявим забастовку, согласно регламента, уже выработанного нашим исполнительным комитетом.

По уполномочию “Союза машин”.

Секция локомотивов».

Окончив чтение, Трепидекс оглянулся кругом, чтобы видеть, какое впечатление произвела афиша на его соседей. Все стояли молча. Некоторые уходили, слегка пожимая плечами, на их место тотчас же становились новые любопытные.

* * *

Президент «Клуба неистовых» выбрался из толпы и снова вернулся к своим неприятным размышлениям. «Даю тебе срок до завтрашнего вечера». Не пригласить ли двух королев, одну на день, другую на вечер, во избежание скандала? Но удовлетворится ли этим Каботина? К тому же присутствие двух королев при одном короле вызовет массу пересудов. Избрать второго короля? Ну, нет! Что за радость делить с кем-нибудь корону... Трудную задачу поставила перед ним Каботина.

— Вы, вероятно, проигрались, сударь? — спросил Трепидекса лакей Луи, заметив, что его барин не в настроении.

— В пух и прах.

— Не горюйте, в другой раз отыграетесь... Какой-то господин заезжал недавно к вам; я его не знаю. Сказал, что заедет еще раз.

Из передней послышался звонок...

— Вероятно, это он...

Луи ушел, но скоро возвратился.

— Я угадал, — произнес он, — так и есть, давешний посетитель. Своей фамилии он не называет, но говорит, что

по неотложному делу.

— Да, по неотложному делу, — повторил чей-то глухой голос.

Неизвестный вошел, не дожидаясь ответа.

Трепидекс вскочил:

— Князь Волкани?

— Он самый, — подтвердил вошедший. — А вы, милостивый государь, мерзавец!

Луи благоразумно ретировался. Трепидекс с изумлением посмотрел на князя.

— Да, мерзавец, — продолжал невозмутимо князь, — идиот, кретин, молокосос. Слышите?

— Слышу.

— И принимаете так хладнокровно, не моргнув глазом. Вы жалкий трус!

— Я не трус, — обиделся Трепидекс, — я только очень удивлен; я не понимаю, в чем дело; садитесь, пожалуйста, — и он указал рукой на кресло...

Волкани отказался.

— Вы не понимаете. Ха! ха! ха! Вы не понимаете. Тут замешана Каботина, милостивый государь. Я люблю эту женщину и хочу, чтобы она была моей, и я добьюсь этого.

— Прошу вас, садитесь, — настаивал Трепидекс,

— Не желаю. Я явился для того, чтобы нанести вам оскорбление. Вы ее любовник. Я хочу вас устранить. Мы будем драться на дуэли...

— Никогда.

— Мы будем драться, так как Каботина, увидев вас побежденным, отвернется от вас с презрением. Я мог бы попытаться встретить вас где-нибудь вне дома; дать вам пощечину, придравшись к чему-нибудь; но я тороплюсь.

— Дуэли устарели, — небрежно заметил Трепидекс, — не говоря уже о том, что я могу прострелить вас или проколоть шпагой.

— Попробуйте.

— Но предположим, что победителем останетесь вы? Вы думаете, что это вам поможет? Каботина прогнала вас вчера, это еще ничего; но она хвасталась этим на сцене, а

это уже плохо. Если вы убьете меня, она вас возненавидит. Вы ошиблись, князь; если бы я чувствовал хоть малейшую любовь к Каботине, при первом же вашем слове я выставил бы вас за дверь. Но, как видите, я разговариваю с вами совершенно спокойно и даже рад вашему приходу. Сама судьба послала вас ко мне; вы мой спаситель. Садитесь, прошу вас.

Изумленный Волкани наконец сел.

— Какой я дурак, что не подумал об этом раньше, — продолжал Трепидекс. — Вы правы: я, действительно, идиот и кретин. Уступаю вам эту женщину с радостью; не только уступаю, но передаю прямо в ваши руки. Однако, знайте, Каботина будет кричать, скандалить, так что советую вам принять соответствующие меры... Держите ее в заточении, пока она не образумится, но ради бога, не выдавайте меня, не говорите, что я помог вам ее похитить. Само небо послало вас ко мне. Каботина предъявила мне ультиматум, на который я должен ответить завтра. Если вы произнесете мое имя — все погибнет. Могу ли я рассчитывать на вашу скромность?

— Мне 50 лет, — ответил князь, — я человек серьезный.

— Отлично.

Трепидекс уселся за письменный стол, взял листок бумаги и написал:

«Ужасная женщина, надеюсь, что ты останешься довольна, все устраивается по твоему желанию. Завтра вечером расскажу подробно. Обедать с тобой не могу, но один из моих друзей заедет за тобой в театр и отвезет тебя в клуб, где я буду тебя ждать».

Трепидекс прочел письмо вслух, сложил его вчетверо, вложил в конверт и надписал адрес.

— Князь, — сказал он, — отнесите или отошлите это произведение искусства на почту и приготовьтесь к бою. Если ваша карта будет бита, я погиб.

Волкани сиял.

— Вы, надеюсь, забудете об оскорблении, — вкрадчиво

заметил он. — Когда человек любит...

— Я не знаю, что значит любовь, — ответил Трепидекс, — но можете не беспокоиться, я уже забыл.

* * *

По уходе князя, Трепидекс так глубоко вздохнул, что Луи заглянул в комнату.

Трепидекс расхохотался.

— Я выиграл, — потер он руки.

— Задали перцу этому господину?

— Я ему всучил женщину, да какую!

— Каботину? Номерок! Порастрясет она его сундук.

И оба, и барин и лакей, долго и весело хохотали над одураченным князем.

— Я ведь не спал двое суток, — заявил наконец Трепидекс, — ну, ничего, сегодня наверстаю, принеси-ка мне портвейну и пирожных. Эх, хорошо жить на свете!

* * *

На следующий день довольный и радостный Трепидекс отправился навестить отца Гамины.

Он застал его в конторе, заканчивающим составление сметы для «Недели безумств».

— Как поживает королева? — осведомился, входя, король.

— Плутовка, — ответил отец с притворной суровостью, — на даче. Она пожелала иметь загородный домик, и мне пришлось купить его.

— Боже мой! — воскликнул огорченный Трепидекс.

— Успокойтесь, друг мой, — улыбнулся Брассер-д'Аффер, — она вернется к «Неделе безумств»; костюм, шляпа, драгоценности — все готово. Портные оспаривают друг у друга честь шить на Гамину. Не из-за ее прекрасных глаз,

конечно, а из-за рекламы. Их было семь. Я помирил их, заказав каждому по туалету, для каждого дня недели; я хочу, чтобы королева поддержала реноме клуба, его президента и своего старика отца. На этот раз она будет законодательницей мод.

— Восхитительно, — захлебнулся от восторга Трепидекс.
— Ну, а смета?

— Закончена. Празднества будут стоить около 85 миллионов, включая сюда процент для подрядчиков.

— Надо найти подходящих людей.

— Жавиль?

— Вы предупредили меня; с ним можно столкнуться.

— Повидайте его, уговорите, заключите с ним договор, мои друзья и я даем вам полномочия. Кстати, я и сам могу съездить к нему, чтобы избавить нас от потери времени.

— Отлично.

Довольный Брассер-д'Аффер вдался в подробности, из уст его посыпались шестизначные цифры; он уже видел свою Гамину в ореоле светских успехов и радостно смеялся. Трепидекс вторил ему. Через открытое окно, у которого они сидели, доносился глухой шум улицы.

V

— Вы хотели простоты, мадемуазель? Вы ее достигли!

— Восхитительно, — ответила Гамина.

Молодая девушка живо выскочила из автомобиля. Компаньонка сошла спокойно и окинула критическим взглядом низкий домик среди пышной зелени.

— Гм! — сказала она. — Действительно, просто. Даже чересчур...

Шофер понимающе усмехнулся.

Деревянная облупившаяся калитка вела в эту ферму, «прекрасно расположенную и хорошо сохранившуюся», которую Брассер-д'Аффер купил через комиссионера. Гамина взялась за скобку, но калитка не поддавалась. Вокруг ни-

кого не было видно. Вдруг из-за кустов показался старик-крестьянин, с мозолистыми руками, в выцветшей от непогоды шляпе.

— Вы новые владельцы? — спросил он. — Ну, ключ у меня; я сейчас открою.

Ключ был огромный, замок ржавый, но старик ловко справился со своей трудной задачей.

— Надо смазать замок маслом, — заметил он, — я вам могу продать его. Ведь четыре года здесь никто не жил, вот замок и скрипит...

— Вы хотели простоты, Гамина... — подчеркнула насмешливо компаньонка.

Калитка открылась, и они гуськом вошли в заросший травой двор; их шаги спугнули бабочек и кузнечиков. Старик, шедший впереди, опять повозившись немного с дверью, широко распахнул ее.

— Я внес мебель, — предупредил он, — а то она, присланная несколько дней тому назад из города, валялась на дворе. Кстати, я прихватил и ящики с посудой.

— Боже мой, паутина, — прервала его компаньонка, — я отказываюсь здесь жить.

— Мы сметем ее, — улыбнулась Гамина.

— А черные стены, а низкие потолки! Что представляет собою эта комната? Кухню? А куда же выливать воду?

— В помойку, — ответил старик.

— А вода?

— Для питья? В двух шагах отсюда есть колодезь; если же вода идет на другие потребности, ее можно брать из пруда в саду.

— А поставщики?

— Какие?

— Булочник?

— Он бывает в наших краях раз в неделю.

— Зеленщик?

— Раз в две недели.

— Мясник?

— Этому надо заказывать заранее. Я могу продать вам кроликов, кур; у нас с голоду не умрете, если только у вас

есть деньги. А сейчас, я полагаю, вам надо сходить в харчевню. Она находится как раз посреди деревни. Там можно вдоволь налопаться.

Компаньонка сделалась пунцовой.

— Убедились, как здесь хорошо? — спросила она.

— Убедилась.

— Конечно, мы возвращаемся в город?

— О, нет, напротив, я очень довольна. Понемногу все наладится. Этот добрый человек нам поможет.

— Двенадцать франков в день и стол, или двадцать франков без стола, — ответил «добрый человек».

— Идет, — согласилась Гамина, — раздобудьте нам кое-кого, чтобы побелить стены, вымыть полы, привести в порядок птичник и кроличьи садки, подрезать траву, устроить клумбы. У вас нет сыновей?

— Они погибли на войне, но мои две невестки, Полина и Марья, ходят на поденную работу.

— Так пусть они придут и помогут нам устроиться. Надо все вычистить, распаковать вещи, расставить их по местам. Ну, а теперь, дорогая, пойдем завтракать.

— В харчевню?

— Куда хотите.

Компаньонка припомнила хорошенький домик субпрефекта, мимо которого они проезжали, в 30-ти километрах от деревни. Там можно поместиться, пока все будет приводиться в порядок.

VI

— Алло. Г. Брассер-д'Аффер? Да? Говорит Трепидекс. Благодарю, недурно, а вы?.. Я видел вчера Жавиля на вокзале, ваши цифры ему подходят; он ждет нас сегодня к завтраку; буду я и Криптон, мы поговорим. Алло... Да... Да. Это обычная история. Деревня всегда лучше издали, чем вблизи... Я на нее рассчитываю... Кстати, читали вы утренние газеты? Интервью со мной и с вами помещены почти

рядом... Даже откопали где-то наши портреты... Совершенно согласен с вами, глупая шутка. До скорого свидания, дорогой друг.

Трепидекс повесил трубку. Повесил трубку и Брассер-д'Аффер. Развернув «Современник», он испытал чувство гордости.

«Мистификация или серьезная угроза?» — таков был заголовок статьи, занимавшей целых три столбца.

«Машины решили объявить забастовку. Что думают об этом выдающиеся представители науки, литературы, политики, промышленности и торговли?».

Затем следовало около 40 строк, в которых говорилось о том, что со вчерашнего дня внимание обывателей столицы было привлечено странными афишами. В них говорилось про машины, как про живые существа, готовые поднять знамя восстания. Хотя по всем вероятностям это была проделка какого-нибудь шутника, редакция «Современника» все же сочла нужным произвести анкету по этому поводу среди авторитетных представителей науки, промышленности и искусства.

Первым делом был послан репортер в Академию наук, но за отсутствием академиков интервью подверглись швейцар, его жена и приехавшие к ним из провинции гости. Все они так и прыснули со смеху.

«Великолепный сюжет для романа, — сказал один видный литератор.

Г. Министрабль, как истый политический деятель, был одновременно сдержан и красноречив.

Не желая разрешать без подробного исследования проблему о чувствительности организмов, до сих пор признававшихся “неодушевленными”, — заявил он, — следует выяснить, в связи с происшедшими событиями, не явится ли возможность более экономного и выгодного использования машин, сообразно интересам производителей и потребителей.

“Машины — это стальные хищники, — провозгласил Трепидекс, президент „Клуба неистовых“. — Но хищники навсегда укрощенные. Выступление так называемой Группы ло-

комотивов ни на один момент не отсрочит наших празднеств”.

Жавиль не отрицал, что в его образцовых современных мастерских люди уже почти превратились в машины. Но из этого не следует, ни в коем случае, делать выводы, что машины могут от соприкосновения со своими живыми братьями стать интеллигентными. Между теми и другими — огромная пропасть, которую здравый смысл не позволяет перешагнуть.

“Предоставим сумасшедшим их сумасшествие” — кратко ответил репортерам г. Брассер-д’Аффер».

Во всех почти газетах появились аналогичные интервью. Только «Свет», «Дискуссия», «Осведомленный» и «Газета для всех» ворвались диссонансом в этот общий хор. По их мнению, требования машин попали прямо из мира фантазии. Недаром почти никто не видел секретаря недовольной конфедерации. Кроме Брассер д’Аффера и двух или трех заведующих предприятиями, которые сохранили в памяти портрет человека наполовину помешанного, наполовину нищего, никто не может утверждать, что он действительно существует; даже никто до сих пор не знает его имени. Следовательно, это ни более, ни менее, как шутка.

Отец Гамины сиял больше всех: только, благодаря этой счастливой шутке, его имя упоминалось в газетах рядом с именами таких знаменитых людей.

* * *

Налюбовавшись собой досыта, Брассер-д’Аффер посмотрел на часы и увидел, что пора отправляться к Жавилю,

— Вот это хорошо, — сказал промышленник, встречая своего гостя, — вы аккуратны; мы ждем только Криптона, моего главного инженера. Вот и он...

Криптон приближался к ним с легкой улыбкой на устах.

— Извините меня, — сказал он, — я опоздал...

Через открывшуюся портьеру видна была столовая, вся сверкающая хрусталем; трое мужчин направились к столу, уставленному цветами. Вокруг стола весело болтали 6 или 7 видных членов «Клуба непосед». Среди них были Трепидекс и графиня Гандур.

— Да, да, прошу извинения, я опоздал на целых 15 секунд; это ужасно, и я подавлен, — продолжал инженер. — Но виноват в моем опоздании ваш сумасшедший «секретарь Союза машин», г. Брассер-д'Аффер.

Услышав последние слова Криптона, гости насторожились.

— Я только что собирался выйти, — рассказывал инженер, — когда привратница передала мне письмо без марки, оставленное в швейцарской человеком, похожим по описанию на того безумца, о котором говорят сегодняшние газеты. Письмо это при мне. Не желаете ли прочесть его, г. Жавиль?

Хозяин взял листок бумаги, протянутый ему инженером, и прочел:

«Милостивый государь, так как извинения нашему генеральному секретарю, которые мы требовали в афишах, не были принесены в положенное время, то мы, сознательные и синдицированные машины заводов Жавиля, начинаем забастовку. Мы предупреждаем Вас, что бесполезно созывать на вторую половину дня рабочих лесопильного завода у Северной заставы: мы остановимся ровно в 14 часов. Пусть это заставит призадуматься упрямых. Мы требуем быстрого и полного извинения, иначе забастовка распространится и на другие предприятия».

Этот ультиматум вызвал неудержимый взрыв смеха. Гости хохотали долго и весело. Жавиль не отставал от других; г. Брассер-д'Аффер чуть не плакал от смеха, графиня Гандур ухватила за рукав г. Министрабля. Один Криптон был серьезен.

— Тут нет ничего смешного, — угрюмо заметил он, когда настала относительная тишина.

— Как, — воскликнул Трепидекс, — неужели вы считаете возможной забастовку машин?

— Я еще нахожусь в здравом уме, — ответил инженер. — Тем не менее, г. Жавиль, на мне лежит ответственность за работу ваших мастерских. Долг обязывал меня рассмотреть внимательно это письмо. Так я и сделал... Меня поразила манера письма: оно удивительно похоже на те, которые мы получали в прошлом году от руководителей стачки пыльщиков. Секретарь так называемого «Союза машин» — сумасшедший, я в этом не сомневаюсь, но за этим сумасшедшим скрываются люди, отлично знающие, что они делают; это группа озлобленных рабочих, которые с трудом мирятся с работой по хронометру и которые, мистифицируя нас, желают нанести нам вред. Вместо того, чтобы отправиться сюда, я поехал на лесопилку, собрал персонал и обратился к ним с речью. Я привел такие веские аргументы, что те, которых я подозревал, первые поспешили высказать свою лояльность. Но все же, для большей предосторожности, не вызвать ли нам на завод полицию?

— Конечно, — согласился Жавиль. — Ваши предположения согласуются с теми угрозами саботажа, которые пустились на одном из собраний этих безумцев. Тем не менее, история «Союза машин» только смешна и с нею пора покончить.

Друзья согласились с ним. Вскоре все гости успокоились. Каждый старался блеснуть остроумием. Жавиль занимал место председателя. Обед был великолепен, вина в изобилии. Гости чувствовали себя, как дома, пили за процветание хозяина, за клуб, за успех «Недели празднеств».

Вдруг раздался бой часов — два часа!

— Жавиль, ваши машины начинают бастовать, — улыбнулся г. Министрабль. — Это вас не волнует?

— Я в отчаянии! — ответил заводчик тоном, вызвавшим новый взрыв смеха.

Веселье прервал вошедший лакей:

— К телефону, сударь!

Жавиль сурово нахмурил брови.

— Я знаю, что вы не велели себя беспокоить, сударь, — извинился слуга, — но они настаивают... Говорят, что по важному делу...

— Принесите сюда телефон, — приказал Жавиль.

Через минуту лакей вернулся с переносным телефоном. Жавиль схватил трубку.

— Алло!

— Алло! Это господин Жавиль?

— Да.

— Говорит Граффар, помощник мастера лесопильного завода у Северной заставы... Я пытался вызвать г. Криптона, хотя он нас и предупредил, что не может прийти сегодня после обеда... У нас неприятная история, г. Жавиль... Машины остановились.

— Ну, господин шутник, вы такой же помощник мастера, как я кондитер; все это глупые шутки!

— Г. Жавиль, — продолжал голос, — уверяю вас, что я Граффар и что все это слишком серьезно.

Жавиль изменился в лице и повернулся к Криптону:

— Что он там болтает? Послушайте-ка вы!

Инженер взял трубку. Заинтригованные гости замолчали.

— Да, да, я узнаю ваш голос; вы Граффар, да, а я — Криптон... Что? Что? Машины? Какие машины? Все?

В глазах у инженера потемнело.

— Я сам увижу! Я приеду.

Он повесил трубку и, слегка побледнев, поднялся из-за стола. Он был вне себя от ярости.

— Могу я уйти? — спросил он и, не дождавшись ответа, выскочил в переднюю.

VII

Схватив шляпу, Криптон вышел на большой двор, где как на выставке выстроились автомобили всех типов, при-

надлежавшие друзьям Жавиля. Шоферы болтали, покури-
вая сигары, розданные им после сытного завтрака.

— Живее, Том, едем! — скомандовал инженер.

Том, наиболее искусный из четырех шоферов заводчи-
ка, вбежал в гараж, завел мотор и ловко подкатил авто к
крыльцу.

— На лесопильный завод у Северной заставы!— кричал
Криптон, сам открывая дверцу. — И живо!

Минуту спустя, автомобиль вихрем помчался по площа-
ди, выбрался из города и очутился на дороге к заводу. До-
рога была очень живописна, но Криптон не видел ничего,
кроме темневших вдаль заводских зданий. Через пять ми-
нут Том, после ловкого поворота, остановился у высокого
кирпичного здания. Инженер выскочил и пошел к громад-
ному помещению, откуда обычно раздавался визг пил, раз-
резающих бревна. Единственный звук, долетавший сейчас
до ушей инженера, был гул голосов сотни рабочих, собрав-
шихся в мастерских. Гул прерывался отдельными воскли-
каниями.

— Митинг... Саботаж... Я так и думал, — прошептал Крип-
тон.

Он направился к группе рабочих с поднятой головой, с
презрительным взглядом. Заметив его, рабочие замолча-
ли. Подойдя к ним, он сказал, отчеканивая слова:

— Как видно, вы меня плохо поняли сегодня утром? Вы
не сдержали своего слова!

Эти слова относились к группе из 5 или 6 молодых ра-
бочих, известных как социалисты.

— Да, вы, Булье, Фюзере, Дюран, Пьешо, Тонк, Майяди,
вы зачинщики!

Высокий Булье, худой Фюзере, кривоногий Дюран, хит-
рый Пьешо, угрюмый Тонк и вспыльчивый Майяди едино-
гласно запротестовали:

— Но мы желаем работать!

— По местам тогда, — скомандовал Криптон.

Никто не двинулся.

— К чему! — усмехнулся Булье.

— Раз машины не желают работать, — добавил Дюран.

— Не желают работать! — повторили за ними хором остальные.

— Не говорите глупостей, — возмутился инженер.

Сто рук протянулись к блестящим пилам, приглашая инженера проверить. Помощник мастера Граффар отделился от группы.

— Истинная правда, г. Криптон, — сказал он. — Это невероятно, но это так. Машины не повинуются нам.

— Как! Как!

— Было без четверти два, все шло прекрасно... затем вдруг, крах! остановка...

— И это вас удивило? — вскрикнул Криптон, — и вы не подумали осмотреть предохранители?!

— Конечно, осмотрели, — ответил Граффар. — Я сейчас же подумал, что произошло короткое замыкание тока. У нас уже два раза это случилось в прошлом месяце и один раз на прошлой неделе. Я побежал к пробкам. Но... о н и н е в р е д и м ы. Не-вре-ди-мы!

— Странно! — сказал Криптон. — И все остановилось сразу?

— Все пилы, да. Нельзя сказать, что остановка правого ряда предшествовала остановке левого. Это больше всего нас смущает.

Деревообделочные машины были расположены двумя рядами, по 60 в ряд, вдоль всего зала, а ток подавался к каждому ряду от отдельных динамо.

— Какая-нибудь неисправность в генераторном отделении? — предположил инженер.

— И об этом мы подумали, — сказал Граффар. — Я пошел туда; на меня там взглянули, как на пришельца с луны. Все там в движении, как обычно... Надо добавить, что провода, соединяющие генераторное отделение с деревообделочной мастерской и подающие нам ток, неведимы.

Криптон с удивлением слушал помощника. Тот продолжал:

— Несмотря на то, что наши моторы никак не могли испортиться все сразу, я приказал все-же осмотреть их. Все части на своих местах и исправны: контактные пружины,

шайбы, соединительные провода, изоляторы, трансмиссии, регуляторы напряжения, двигатели, компрессора воздушных тормозов, рукоятки ручных тормозов, все, все... Я не говорю о тележках, которые не имеют никакого отношения к работе пил. Но и тележки в хорошем состоянии.

— Мы ждали вас с нетерпением, — зашумели рабочие.
— Сами мы совершенно не можем разобраться, в чем дело.

Криптон был сильно польщен такой уверенностью рабочих в его знаниях.

— Простите меня, товарищи, я ошибся: я посмотрю! Идем, Граффар.

Тот не заставил себя просить. Ему тоже не терпелось узнать, чем вызвана эта задержка. Внимательно осмотрел инженер правый и левый провод, по которому подавался ток. Не упуская их из виду, он вошел в помещение динамо-машин.

Они работали нормально под огромным светлым сводом, перекрывавшим здание. Однообразный шум водяных турбин смешивался с более близким гулом гигантских маховиков, соединенных бесконечной лентой с кольцами Грамма. Криптон быстро осмотрел все 12 маховиков и 12 динамо. Поднявшись в сопровождении Граффара на площадку, в конце которой стояли механики, Криптон остановился и с внезапным торжеством рассмеялся.

— Вы что-нибудь открыли, сударь? — спросили у него.

— Конечно, дело просто!... Посмотрите!

И инженер указал пальцем на вольтметр, который он поместил здесь для того, чтобы в любой момент можно было видеть, каким количеством энергии завод располагает.

— Стрелка стоит на нуле! — испуганно ахнул мастер.

Криптон подозвал механиков. Те подбежали.

— Вы заслуживаете хорошего нагоняя, — сказал он. — Разве так работают? Вы даже не следите за вольтметром; вот уже полчаса, как вы бездельничаете...

Виновные, не находя ответа, удивленно повернулись к указателю.

— Вы только сейчас это заметили? — сказал с насмешкой Криптон. — Живо вниз, поглядите, в чем дело!

— Извините, сударь, — сказал один из них, — ни одна динамо не подает тока! Стрелки всех циферблатов стоят на нуле!

— Как, как? Я совершенно потерял голову, — сказал уполномоченный Жавиля. — Но тогда в чем же дело?

Снова вернулась к нему мысль о саботаже. Спустившись вниз, он велел остановить маховики и опустился на колени возле первой же остановившейся динамо.

— Однако! — пробормотал он, констатируя полную исправность машины. — Электромагнит на месте! Щетки тоже! Резиновая изоляция катушечных обмоток не повреждена. Вращение производится нормально.

Другие механики осматривали остальные машины и удивлялись не менее Криптона.

— Черт побери! — закричал последний. — Машины должны работать; нет причины, чтобы они не работали! Попробуйте!

Они снова соединили маховые колеса с соответствующими турбинами, зал оживился, динамо завертелись.

Но ни малейшего тока!

Криптон, Граффар и механики переглянулись. Они не были детьми. Они знали, что такое машины. Они не верили в чудеса. Тем более они были испуганы.

VIII

— Впору хоть разбить себе лоб о стену, — сказал Граффар, а Криптон мрачно заходил по мастерской, засунув руки в карманы, как он делал всегда, когда решал трудную задачу. В это время дверь открылась и вошли Жавиль, графиня Гандур, г. Брассер-д'Аффер, Трепидекс и остальные гости заводчика,

— Видите ли, — улыбнулся Жавиль, — наши друзья желали узнать? в чем дело. Ведь это пустяк, не правда ли? Я их уверял, но они настояли.. Но что с вами, Криптон? Вы так взволнованы.

— У нас нет тока, — ответил инженер.

— Как? — воскликнул заводчик, — но ведь динамо вертятся?

— Они вертятся, да, но тока нет. В машинах все исправно, до последнего винтика, но тока нет и пилы остановились.

— О!

— Забастовка материала? — весело смеялись гости. Их веселость показывала, что они не относились серьезно к этой новости. Они пожелали увидеть пилы. Но когда, войдя в зал, они увидели остановившиеся зубчатые диски, увидели расстроенных рабочих, веселость их исчезла.

— А вдруг машины и в самом деле одарены волей? — вырвалось у графини.

Эта мысль появилась и у остальных, кроме Криптона, который только мрачно смотрел на несчастные пилы. Какое-то смущение охватило всех гостей и они поспешили к выходу. По дороге их перехватил Булье.

— Что нам делать? Остаться на заводе или расходиться по домам?

— Незачем оставаться, — ответил Криптон, — я исследую это, когда отдохну. Завтра приходите, как всегда.

— И пусть это приключение не лишит вас сна на сегодняшнюю ночь, — прибавил Жавиль, пытаясь казаться веселым. — А теперь вернемся в город.

Все согласились.

Автомобили, привезшие посетителей, стояли на дворе. Услышав, что пора ехать, шоферы кинулись к дверцам, открыли их... Жавиль и его друзья сели. Шоферы нагнулись над моторами для пуска их в ход...

— Вот так штука! — проворчал один из них, — мотор не действует.

— И мой также, — ответил другой.

Проклятья раздавались со всех сторон.

— Проклятая штука!

— Придется нам ждать до завтра!

— Может быть, и автомобили забастовали?

— Кончено! Я отказываюсь!

— Чего вы ждете? — крикнул Криптон, высунувшись из авто.

— Сударь, моторы тоже бастуют. Смотрите-ка!..

Заинтригованный Жавиль и его друзья тоже высунулись из окон. Невольный страх охватил их при виде одновременного отказа всех машин!

Не снится ли это им? Просто невероятно!

Все соскочили на землю и вопросительно смотрели на Жавиля. Тот улыбнулся.

— Ну, что же, — сказал он, — нам придется возвращаться пешком, только и всего... Не так ли, мои дорогие?

«Дорогие» и сами были не прочь уйти поскорее с этого завода, где творились таинственные вещи. Молча побрели они пешком, расстроенные всем виденным.

IX

Гамина устраивалась в своем домике. Старый крестьянин и его две невестки так тщательно вычистили новое жилье, что от прежнего домика остался только остов. Комнаты его, оклеенные новыми обоями, украшенные светлыми занавесками, новой мебелью, пушистыми коврами и этажерками, заставленными цветами, — стали красивы и уютны. Компаньонка уже более не ворчала. Только шоферу прибавилось много работы, так как Гамина то и дело посылала его за покупками в город. Надо было купить садовые инструменты, цветочные семена, переговорить с торговцами и рабочими о кроличьем садке и птичнике. Сторожевая собака, купленная и привезенная шофером, прогуливалась по заросшему травой двору; котенок играл на солнышке. Садовник приглашен был за дорожную плату разделять сад. Деревенских жителей очень интересовала вся эта суматоха, но они не подавали и вида, что это их занимает. С равнодушными лицами они прогуливались около фермы, искоса поглядывая на произведенные улучшения и

смеясь над восторженными восклицаниями «барышни», не обращавшей ни на кого внимания.

— Бонн (так она называла компаньонку), — посмотрите-ка на это облако! Бонн, вы слышите пение жаворонка? Бонн, как зелена трава!

Когда земля в саду была взрыта, Гамина вооружилась граблями, устроила клумбы и посадила цветы. Вставая с зарей, она с наслаждением вдыхала аромат земли. Приходила собака требовать ласки, котенок, мурлыча, терся у ее ног. Накормив их, она шла к курам и кроликам, любовалась своим маленьким мирком, слушала веселое щебетание птиц и взор ее подолгу с удовольствием останавливался на этом уютном гнездышке, созданном ею самою. Жизнь текла безмятежно и тихо. Только посещения почтальона пробуждали Гамину, напоминая ей, что скоро придется покинуть это очаровательное убежище и возвратиться в суетный мир.

— Но после недели празднеств, мы опять вернемся сюда, да, дорогая? — спрашивала она у компаньонки.

Компаньонка соглашалась охотно; и ее завлекла прелесть сельской жизни. Никаких забот: две невестки старика разделили всю работу между собой. Мария стряпала, а Полина убирала комнаты и стирала. Компаньонка без конца поглощала романы — каждые два дня шофер ездил их обменивать.

* * *

Однажды утром Гамина увидела с радостью, что ее семена дали ростки. Ей захотелось их полить. В конце сада был небольшой пруд, но дорожка, ведущая к нему, была нерасчищена. Кругом рос терновник; боясь исцарапаться, Гамина взобралась на невысокую стенку, заросшую мхом, и медленно стала по ней продвигаться. Неосторожно оступившись, она потеряла равновесие и упала в густую траву по ту сторону стены. Придя в себя, Гамина нервно рассмея-

лась, встала и оглянулась; она была в соседнем саду, окруженном стеной, которую нужно было перескочить или обогнуть, чтобы добраться до дома. Второе было сделать легче. Идя вдоль стены, она очутилась среди густых деревьев. Вдруг Гамина испуганно вздрогнула.

Прямо перед ней сидел человек и пристально смотрел на нее. Он не походил на крестьянина; вокруг него были разбросаны книги и бумаги; он был молод, но довольно некрасив. Собрав свои бумаги, он сунул их в карман, встал и почтительно поклонился:

— Сударыня?

В голосе незнакомца слышалось любопытство.

Гамина пробормотала:

— Извините меня, мосье, я свалилась со стены... Это очень глупо... Я ищу, как пройти домой.

Он казался удивленным.

— Домой?

— Ну да, в соседний сад.

— Вот как!

— Вы мне не верите? — спросила молодая девушка, чувствуя, как к ней возвращается самоуверенность.

— Я никогда бы не позволил себе этого, сударыня, — возразил незнакомец, — но я не знал, что там живут...

— А мы не знали, что у нас есть близкие соседи...

— Сосед, — поправил собеседник, с любопытством оглядывая Гамину, грубый передник которой плохо гармонировал с шелковыми чулками и открытыми туфельками.

— Увы, — сказала она, — я бы должна была носить шерстяные чулки и деревянные башмаки, в качестве крестьянки!

— У вас слишком острый ум, сударыня.

— Но ведь и вы грядкам с овощами предпочли книги и бумаги. И вместо лопаты у вас стилограф.

Он улыбнулся.

— Я и не говорил вам, что я земледелец.

— Вы поэт?

— Это зависит от того, что вы подразумеваете под этим словом.

- Поэт — тот, кто пишет стихи.
- Тогда я не поэт.
- Но вы можете сказать, как пройти в мой сад?
- Я могу подставить вам спину.
- Разве нет дорожки?
- Она заросла травой и терновником.
- Покажите мне ее все-таки, я попытаюсь пробраться.

Незнакомец повернулся и пошел. Идя за ним, Гамина ломала себе голову: «Где она видела это лицо?» Она не решилась спросить об этом самого незнакомца и молча смотрела, как он старался проложить для нее дорогу. Наконец они подошли к небольшому, тихому пруду.

— Мой пруд! — вскрикнула Гамина.

— Наш, — поправил ее сосед. — Он общий. Но я не был здесь около 15 лет.

— Все же я могу брать из него воду для поливки моих всходов?

— Ваших всходов?

Господин со стилографом (как окрестила его про себя Гамина) насмешливо улыбнулся. Улыбка промелькнула в его глазах и исчезла. В эту минуту раздался приближающийся звук автомобильного рожка, прервавшийся у самой стены сада... Незнакомец удивленно взглянул на Гамину.

— Это мой шофер возвратился из города, — пояснила она. Он снова улыбнулся.

— У вас и всходы и шоффер...

— Ну что ж? — сказала сердито Гамина.

— Большинство девиц имеют только шофера.

— Станный вы человек, — продолжала Гамина, — но вы так любезно доставили меня домой, что заслужили мою глубокую благодарность. Когда вы соскучитесь в вашем саду, приходите к нам пить чай. Моя компаньонка мастерица его готовить, а я позволю вам смеяться надо мной.

— Мне кажется, что это вы смеетесь надо мной, — возразил незнакомец.

— Ни капельки, — запротестовала Гамина и пошла по дорожке, ведущей к ее саду.

Х

Занавес «Артистического мюзик-холла» взвился при переполненном зале. Спектакль был утренний. Шло в 250-й раз обозрение: «Обнаженная». Для злобы дня авторы прибавили к нему 16-ю картину «Забастовка машин» и составили плакат, который можно было видеть на всех стенах города:

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Дирекции Артистического мюзик-холла удалось пригласить за баснословную цену на несколько представлений

СЕКРЕТАРЯ ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА МАШИН.

Этот ужасный человек появится перед публикой в четверг, утром и вечером. Приходите послушать и посмотреть его, чтобы быть в курсе имеющих наступить серьезных событий.

Главный комик труппы, который должен был изображать секретаря, наскоро заучил смешной монолог, чтобы продекламировать его перед 30-ю девицами в красных лентах и в оригинальных шляпах, изображавших различные машины: локомотив, автомобиль, пароход и т. д. Девицы должны были отвечать «секретарю» хором:

Нет, я не хочу работать

” ” ” ” ” ”

Маленькая машина заснула.

Нет, мы не хотим работать.

” ” ” ” ” ”

Но поддай нам жару и мы заработаем.

Ха! Ха!

Директор был восхищен этой выдумкой. Он боялся только того, что публика, рассчитывая видеть настоящего секретаря «Союза машин», останется недовольной и выразит свое недовольство слишком шумно. Но авторы ручались за ее спокойствие.

— Ну, а если настоящий секретарь и его друзья устроят нам скандал?

— Это нам будет на руку. Вы могли бы удвоить цену билета.

Патрон успокоился, занавес поднялся, спектакль проходил гладко; прошла пятнадцатая картина.

* * *

Вдруг раздался крик:

— Незачем оставаться, господа! Союзный секретарь не придет! Забастовка машин началась. Покупайте газету «Новости».

Все головы повернулись к кричавшему. Это был газетчик, пробравшийся на галерку и потрясавший оттуда кипой газет.

— Купите «Новости»! — кричал он, — прочтите о забастовке машин на заводе Жавиля!

Публика не шевельнулась; она приняла это за интермедию перед началом XVI-й картины, а крикуна-газетчика — за актера.

Но вскоре появились и другие газетчики, крича:

— Забастовка машин на лесопильном заводе у Северной заставы. Покупайте «Дискуссию», «Осведомленного»... За-

бастовка!

Некоторые из зрителей схватили газеты, прочли, вздрогнули... В один миг тревога охватила весь зал. Вырывали листки из рук друг друга; сами актеры выбежали со сцены, чтобы слушать то, что читали счастливые обладатели газет.

«Неслыханное дело»... — писали «Новости».

«Сумасшедший не был сумасшедшим. Машины одного из заводов Жавиля забастовали».

«Совпадение, или вещи могут иметь волю?» — вопрошала газета «Дискуссия».

«Машины лесопильного завода у Северной заставы остановились. Ультиматум моторов. Мы производим анкету».

За этими сенсационными заголовками и подзаголовками следовали более или менее одинаковые во всех газетах строки:

«Мы только что собирались приступить к набору, как узнали новость, которой мы бы не поверили, если бы она не была сообщена нам лицом вполне компетентным: машины завода г. Жавиля остановились сегодня около 14 часов. Г. Криптон, главный инженер, получил утром предупреждение от таинственного Союза. Мы послали репортера на место забастовки. В экстренном выпуске будут сообщены дальнейшие подробности».

Вмиг спектакль был забыт. Напрасно зывали директор и его два помощника:

— Не уходите, господа! Это утка, которую мы самипустили, чтобы вызвать сенсацию.

Только запоздавшая кучка зрителей услышала эти слова. Один из них обернулся, обругал говорившего и театр опустил.

Экстренные выпуски следовали через каждые полчаса. Газеты не могли удовлетворить спрос. Они приводили интервью с Жавилем, Криптоном, Трепидексом, с Граффаром, с рабочими; они давали фотографии мастерских.

Только «Смехач», юмористический журнал, отнесся к этому, как к грандиозной шутке. Но в двенадцать часов, ко-

гда публика начала уже успокаиваться, новое известие ударило ей по нервам:

«Остановились машины в типографии “Смехача”!»

Взрыв смеха встретил это известие, только редакторам веселого листка было не до веселья.

* * *

На другой день прохожие увидели рукописную афишу на стене Центрального сквера:

Во вчерашних интервью г. Жавиля с представителями прессы высказано столько презрения к нам, столько высокомерия, что мы считаем себя оскорбленными. Так как наше предупреждение оказалось безрезультатным, мы с сожалением сообщаем населению, что, начиная с сегодняшнего дня и на неопределенный срок, наши товарищи на всех предприятиях, в которые вложены капиталы г. Жавиля, присоединяются к бастующим.

От имени В. С. М.

СЕКЦИЯ КРУГЛЫХ ПИЛ.

Эта афиша, содержание которой стало известно публике из газет, уже не вызвала смеха: всем стало жутко и в то же время любопытно. Ждать пришлось недолго. Предметье Холла, такое тихое днем, потому что мужчины работали в соседних копиях, женщины в мастерских, а дети уходили в школу, внезапно оживилось... Рудокопы вернулись домой, так как перестали действовать подъемные машины у шахтных клеток. В швейных мастерских останови-

лись машины, работающие электричеством. В школах погасли все лампы. В то же время перестали ходить трамваи. Электрические часы остановились на 10 ч. 4 мин. Подвальные помещения больших магазинов остались без света. Токарные, столярные и фрезерные станки на заводе автомобильном и сельскохозяйственных машин забастовали так же, как и пилы. Стали и ткацкие машины. На станциях метрополитена линии Восток-Запад пассажиры должны были пробираться ощупью по туннелю к выходу. Улицы были полны свободными от работы рабочими, взволнованными чиновниками и коммерсантами. Один вопрос был у всех на устах: «Возможно ли это?» Ответ был: «Невозможно». Но внутренний голос насмешливо спрашивал: «Однако?»

Телеграф и телефон, верные своему долгу, работали беспрерывно и передавали в другие города новые сведения о забастовке по мере того, как они становились известными. Гостиницы в районе расположения заводов Жавиля были засыпаны телеграммами с просьбами оставить помещение для желающих быть очевидцами забастовки. Иностранные ученые спорили о том, что они называли впоследствии «случаем Жавиля». Поднялась резкая полемика между лицами, утверждавшими, что машины не живут, а следовательно не могут ни думать, ни хотеть, и другими, заявлявшими, что понятие «жизнь» относительно, что нельзя определить границу между одушевленными существами и так называемыми неодушевленными, и что если «функция строила орган», то и орган мог также построить функцию. Одна лондонская газета открыла анкету между своими читателями и напечатала массу воспоминаний последних, послуживших аргументами и для «машинистов» (так назывались защитники существования души у машины) и для «антимашинистов».

— Вот уже более 20 лет, как я управляю автомобилем, — писал, например, некто Смит из Ливерпуля, — значит, я кое-что понимаю в их механизме. Я могу определить по звуку, чем вызвана остановка мотора. В прошлом году я отвозил на вокзал на своей машине, в 20 лошадиных сил, моего друга. Когда я собирался ехать обратно, я не мог тро-

нуться с места. Я проверил все части. Динамо было в порядке, карбюратор чист, как только что отчеканенная монета, бензин подавался хорошо; никаких повреждений. А между тем мотор не работал. Два часа провозился я с машиной; наконец, бросил ее и отправился пешком к фабриканту, продавшему мне ее. Он пожал плечами и мы вернулись вместе с ним на станцию. Я повернул при нем рукоятку, не дотрагиваясь ни до чего другого. И мотор заработал, как всегда. Фабрикант сказал мне: «Вы не единственный, с которым это случилось. Вам попалась “капризная машина”». Эти слова никогда не изгладятся из моей памяти; я вспомнил о них, читая о «забастовке машин».

Другие лица, механики, монтеры тоже рассказывали о подобных случаях, называли число, место, свидетелей. Все эти рассказы вызывали у читателей чувство удивления, смешанное со страхом. Маленькие и большие машины выступали, как одаренные индивидуальностью. Особенно взволнованы были очевидцы событий. Мужчины, женщины, дети всех классов и состояний бросали исподлобья испуганные взгляды на «забастовщиц-машин» через полуоткрытые двери заводов и фабрик. Маховики, шатуны, динамо и другие машины казались в полумраке живыми существами, чудовищными и воинственными. Целое стальное племя, возмущившееся против человечества, заселяло промышленные предприятия города; это были апокалиптические звери, гигантские крабы, пауки, скорпионы, питающиеся маслом и железными опилками, у которых металл заменял мясо, ремни — нервы, электричество — кровь, а какое-то неведомое вещество — мозг.

XI

— Здравствуйте, дорогой, — сказал г. Брассер-д’Аффер, — я только что собирался вам протелефонировать. Как обстоит дело с великой «Неделей празднеств»?

У Трепидекса был озабоченный вид.

— Хотим ли мы этого или нет, — печально сказал он, — придется, очевидно, отсрочить открытие. Все зависит от разрешения этого странного конфликта. Больше всех страдаем от него мы. Срок договора с Жавилем также придется продлить, так как трудно было предвидеть забастовку машин. Я пришел к вам за помощью. Не поедете ли вы со мной к Жавилю? Его молчание меня беспокоит и мне кажется, что мы имеем право, точнее — мы должны поговорить с ним твердо и решительно. К тому же это в ваших интересах.

— Согласен, — сказал г. Брассер-д'Аффер.

Так как автомобили и таксомоторы не работали, Трепидекс нанял за дорогую цену старомодную тележку с запряженной в нее клячей. Проезжая по городу, они встречали рабочих, слонявшихся без дела; на берегу реки сидели рыболовы с удочками, менее занятые ловлей, чем сплетнями о происходящем. Извозчик подвез их к опустевшему заводу. Они вошли в контору, где их встретил Криптон.

— Вы, вероятно, также неприятно поражены оборотом дела, — сказал президент «Клуба непосед». — Почему ваш патрон не соглашается извиниться? Достаточно сказать несколько слов, чтобы ваши мастерские ожили.

Инженер выпрямился.

— Никогда! — ответил он хрипло.

— Почему? — спросил ласково г. Брассер-д'Аффер.

— Вы верите в забастовку машин? — вскрикнул Криптон. — Полно! Я не дурак и не неуч. Я — инженер, и я знаю, что такое машина. Извиняться перед нашими врагами? Перед мертвыми машинами? Лучше смерть!

Трепидекс и отец Гамины переглянулись.

— Дома ли сам г. Жавиль? — спросил молодой человек.

— Нет, господа, он на съезде картелей тяжелой индустрии. Забастовка угрожает и другим промышленникам. Что я говорю, угрожает. Работа уже остановилась на многих предприятиях. Это должно окончиться, но не ценой нашего унижения. Мы должны отыскать этого негодяя, уничтожить его или надеть ему намордник.

— Как! — спросил Трепидекс, — неужели вы думаете, что один человек может остановить...

— Людская изобретательность безгранична, — продолжал Криптон, — я глубоко убежден, что мы имеем дело с каким-нибудь изобретателем, который, благодаря случаю или научным исследованиям, а может быть, тому и другому вместе, получил неслыханную, страшную силу. Этот изобретатель в то же время и злодей; мне его жалко, но мы его победим, одни или с помощью правительства. Об этом-то и идет речь в заседании.

Г. Брассер-д'Аффер и Трепидекс ушли.

* * *

Члены совещания картелей тяжелой индустрии, обсудив положение, составили следующую резолюцию для опубликования в газетах:

«По окончании совещания, имевшего место на съезде картелей тяжелой индустрии, была отправлена делегация к Председателю Совета министров. Глава правительства принял их лично; делегаты изложили ему причины, делающие необходимым арест секретаря так называемого “Союза машин”. По мнению компетентных техников, забастовка машин есть не что иное, как остановка их на расстоянии неизвестным способом.

Глава правительства согласился с мнением делегации и отдал соответствующее распоряжение.

Чтобы помочь юстиции и ускорить дело, Картель тяжелой индустрии предлагает 100,000 франков лицу, которое доставит сведения о местопребывании псевдосекретаря. Кошмар продолжается слишком долго».

Прочитав эти строки в «Осведомленном», г. Брассер-д'Аффер не мог удержаться от радостного восклицания. «100.000 франков получу я!» — подумал он, вспомнив о бумажнике с фотографией и визитными карточками прес-

тупника, найденном после посещения его «секретарем союза машин».

Не докончив обеда в ресторане, г. Брассер-д'Аффер поспешил домой. Но дома драгоценного документа нигде не оказалось. Как ни напрягал свою память Брассер-д'Аффер, он не мог вспомнить, куда его положил.

— Ведь я показывал портрет Гамине и мы смеялись вместе над ним, — пробормотал он. — Может быть, Гамина мне поможет.

«Детка, — написал он ей в тот же день, — я очень счастлив, что тебе так нравится твоя ферма. Я навещу тебя на днях и ты вернешься со мной в город, так как ты не забыла, надеюсь, что ты королева и должна блистать на празднике.

Между прочим, помоги мне выиграть 100.000 франков. Для этого тебе нужно только прислать мне бумажник с фотографией и визитной карточкой “секретаря Всеобщего союза машин”; если же у тебя его нет, то не знаешь ли ты, куда я его положил?

Твой старый папа горячо тебя целует.

Бр.-д'Аф».

Отец положил письмо в конверт, надписал адрес и отправил письмо на почту.

* * *

Возвращаясь домой, Брассер-д'Аффер увидел на противоположной стене дома афишу, которая гласила:

«ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ УПРЯМЫХ!

Мы принимаем вызов, сделанный нам Картелем тяжелой индустрии.

Сегодня, в 19 часов, начинается всеобщая забастовка. Обыватели, устраивайтесь сообразно сказанному.

МАШИНЫ.

Примечание: Чтобы позволить рабочим, живущим в предместьях, добраться домой, локомотивы прекратят движение в 22 часа».

Некоторые читатели не скрывали своего гнева.

— Почему полиция не схватила до сих пор расклейщиков афиш? — кричали они. — Нужно узнать, кто им платит и таким образом добраться до атамана этой шайки разбойников.

— Терпение, — подумал г. Брассер-д'Аффер, — преступник будет скоро разоблачен.

* * *

Полиция, однако, не была бездеятельной. Осмотрев хорошенько шрифт последней афиши, она произвела обыск в нескольких типографиях, но безрезультатно. В департамент полиции поступали письма тысячами; всех привлекала обещанная награда, все уверяли, что знают прекрасно секретаря Союза машин и давали подробное описание его наружности: высокий, маленького роста, блондин, брюнет; бритый, с большой седой бородой; он жил в городе (следовал адрес), он жил в 20 километрах от города... Он посещал такую-то пивную и принадлежал к такой-то партии и т. д., и т. д..

Полиция терялась в массе разноречивых указаний и ждала счастливого случая, который помог бы ей найти виновника. Часы текли, а счастливый случай не представлялся.

Г. Брассер-д'Аффер с нетерпением ждал ответа Гамини.

ХП

Гамина была счастлива: две ее курочки сидели на яйцах, а цветы в саду росли не по дням, а по часам. Правда, молодая девушка не жалела для них воды. С тех пор, как старый крестьянин расчистил дорожку, ведущую к пруду, Гамина по нескольку раз в день ходила туда с лейкой, радуясь каждому новому цветочку, каждому лепестку. К тому же, после ее недавнего приключения по другую сторону стены, в соседнем саду у нее был товарищ. Чудаковатый сосед, которого она по-прежнему называла «господином со стилографом», не зная его настоящего имени, часто гулял около пруда. Завидев ее, он приближался с приветствием и поклоном и они подолгу болтали. Хотя «господин со стилографом» и сказал, что он не поэт, но он так хорошо понимал красоту природы, описывал ее так увлекательно, что Гамина была очарована. Она пыталась узнать, кто же был этот человек, невзрачная наружность которого забывалась, когда он начинал говорить. Ни Мария, ни Полина ничего не знали о нем.

— Пятнадцать лет тому назад усадьба принадлежала старику Гильо, который умер. Потом какой-то горожанин купил ее за большие деньги, но, как говорят, он не был здесь и десяти раз. У него было два сына, лет 10-12. Может быть, один из них и шляется там в саду. Вы говорите, что он что-то пишет, значит, он бездельник. Он не похож на вас, барышня, боится запачкать свои ручки землей.

В смехе крестьянок слышалось презрение к молодому человеку. Гамина, при разговоре с ним, пыталась выспрашивать его, но успеха не имела.

Эта таинственность раздражала молодую девушку — она видела в этом недостаток доверия к себе. Он не пришел к ним пить чай, несмотря на ее дружеское приглашение.

«Но все же мы друзья, я это чувствую», — думала Гамина.

Однажды почтальон принес письмо. Гамина узнала почерк отца, прочла письмо и ее внезапно озарило.

— Это он! — воскликнула она, — Он! Это его портрет я видела! Это он показался мне тогда таким некрасивым! Но правда ли, что он некрасив? Как жаль, что он сумасшедший!

Молодая девушка чувствовала и радость и сожаление. Радость потому, что узнала, наконец, кто он. Но почему так ждалось ее сердце? Она перечла письмо и увидела то, чего не заметила сразу.

— Теперь папа потерял рассудок, — подумала она, — как могу я ему помочь заработать 100.000 франков посылкой фотографии и визитной карточки? Ведь я их бросила в сорную корзину. 100.000 франков? Папа должен был бы написать подробнее.

Гамина газет не читала; компаньонка читала только романы; шофер, равнодушный к политике, был занят тем, что ухаживал за Полиной и за Марией в промежутках между двумя поездками.

Гамина написала в ответ:

«Дорогой папа, твое письмо меня удивило. Я плохо понимаю, в чем дело. Я охотно помогу тебе заполучить деньги, но у меня нет фотографии и я не знаю, где она. Но зато я знаю, где оригинал портрета. Твой посетитель живет рядом со мной. Он ведет отшельническую жизнь. Приезжай, как только сможешь, и я познакомлю тебя с ним, а также с фермой и фермершей.

Собака, кот, куры, козы, кролики и я, все мы тебя целуем.

Твоя девчурка.

P. S. — Бонн толстеет и не говорит более о возвращении в город; я ее обратила в свою веру».

Отправив письмо с шофером на почту, Гамина пошла в сад, чтобы на досуге обдумать то, что она узнала. Она мысленно перенеслась в контору отца, она вспоминала, как они смеялись над несчастным, пришедшим объявить о синдикате машин.

— У него вовсе не безумный вид, — думала девушка, — правда, я не затрагивала пункта его помешательства; мы говорили только о небе, об облаках да о цветах. Но что пишет он, сидя под деревом? Зачем живет он отшельником? Вот и он!

Отшельник прогуливался по саду медленными шагами, со стебельком душистой травы в зубах. Завидев Гамину, он поклонился и направился к ней.

— Здравствуйте, г. секретарь, — сказала она.

— Как?

— Господин союзный секретарь!

Он побледнел.

— Почему союзный секретарь?

— Сек-ре-тарь со-ю-за ма-шин, — по слогам отчеканила девушка, улыбаясь.

— Ах! Черт побери! — воскликнул он глухим голосом, — кто вам сказал?...

— Мой мизинчик, — шутя ответила Гамина. — Он сказал неправду?

— Не шутите. Кто сообщил вам об этом?

— Мой отец. Г. Брассер-дАффер.

— Так, значит, вы мадемуазель Гамина?

Молодая девушка удивилась.

— Вы знаете мое имя?

Не отвечая ей на вопрос, он сказал:

— Идите сюда. Не бойтесь, вы отлично знаете, что я не сумасшедший. Никто не должен слышать то, что я хочу вам сообщить, а здесь мы поневоле должны возвышать голос. Идите, я вас уверяю, что это очень серьезно. Я удовлетво-

рю любопытство, которым вы горите, если только вы обещаете мне сохранить все в тайне.

— Но почему ваш портрет оценен в 100.000 франков? — спросила Гамина.

— Вы читаете газеты?

— Конечно, нет. Почему вы спрашиваете?

— Как же вы узнали про портрет?

— Отец требует его у меня.

— У вас мой портрет?

— Нет. Когда-то я имела в руках ваш бумажник, но я его потеряла.

Секретарь рассмеялся.

— Тем лучше, что вы не читаете газет. Ну, идем.

Несколько минут спустя они подходили к дому.

— Не знаю, могу ли я вам довериться, — говорил молодой человек, — я знаю ваше имя из газет, где говорилось о вас в связи с «Неделями празднеств», на которых вы должны быть королевой. Думаю, что вы не очень-то охотно шли на это, не правда ли? Вы любите сельскую жизнь, покой, к вам не подходит название «беспокойной», или, может быть, наружность обманчива? Улыбалась вам эта роль, скажите?

— Она меня ужасает, но я делаю это для отца. Я вернусь на другой день после последнего торжества. Но почему вы говорите об этих празднествах, как о прошедших. Может быть, их отменили?

— Гамина (позвольте мне называть вас так), я поцеловал бы вас, но я обещал вести себя корректно... Неделя торжеств не отменена, но она состоится тогда, когда позволю я! Отец сказал вам, что я безумец. Так вот, этот безумец заботится о вашем спокойствии. Так как машины парализованы, остановилась и жизнь города. Если бы вы читали газеты, вы бы знали об этом. Я сделал это.

— Вы? — протянула недоверчиво Гамина.

— Не верите? Вы сейчас убедитесь, но вы должны обещать, что никому не расскажете.

— Не только обещаю, но и клянусь.

Они подошли к небольшому домику, обвитому плющом.

— Подождите здесь, — сказал молодой человек и скрылся в доме, откуда вернулся через некоторое время, неся какие-то странные костюмы.

— Для вас и для меня, — объявил он. — В мою крепость можно проникнуть лишь в подобном безобразном одеянии.

Говоря так, «секретарь» надел панталоны и куртку из какого-то особого материала, а на голову — шлем с слюдяными отверстиями для глаз и с маленькой решеточкой для рта. Шлем спадал на плечи и застегивался спереди.

— Теперь ваша очередь одеваться, Гамина, я вам помогу.

Гамина не знала, плакать ей или смеяться. Она с удовольствием бы убежала, но ее товарищ уже протягивал ей одежду. Любопытство одержало верх.

— У меня три комплекта этой одежды, — объяснял таинственный хозяин, — она немного велика для вас, но я не мог предвидеть, что наступит день, когда вы окажете мне честь посещением моей скромной хижинки. Особенно вы! В своем письме г. Брассер-д'Аффер ничего не рассказывает вам о событиях в городе? Готово, теперь входите...

Идя следом за своим проводником, она очутилась в небольшой низкой комнате с очень скромной обстановкой.

— Садитесь, мадемуазель, — пригласил молодой человек. — Вот вам газеты, которые я покупал каждый вечер на вокзале...

И он подал ей кипу газет. Прочтя их, она подумала, что грезит. В газетах подробно описывались все события на Лесопильном заводе у Северной заставы, в типографии «Смехача», на заводах Жавиля и общая приостановка машин в столице.

— И вы виновник этого? — спросила Гамина.

— Да.

— Но каким образом?

— Следуйте за мной.

Она глядела на него с испугом. У нее мелькнула мысль, что это не человек, а сверхъестественное существо, бог или сатана.

Он отгадал ее мысль.

— Только человек, Гамина, только человек!..

Он отошел от стола; молодая девушка последовала за ним, маленькая, трепещущая перед этим могучим волшебником, голос которого звучал так ласково... Он отворил дверь в соседнее помещение. Гамина увидела длинный деревянный ящик, поставленный на фарфоровые изоляторы. От ящика шли три кабеля, концы которых терялись в меньшем ящике, прикрепленном к конторке.

— Вот мои орудия, — сказал он.

Девушка пробормотала:

— И это все? И этим вы останавливаете машины на расстоянии?

— Да.

— Поразительно.

— Согласен с вами.

— Что находится в этих ящиках? Энергия? Как могли вы ее накопить?

— Особым способом, еще неизвестным другим. Не рассчитывайте на то, что я буду развивать перед вами абстрактные теории о каптаже энергии и о действии ее на расстоянии. Вы все равно не поймете. Я скажу одно:

Эта мысль пришла ко мне во время войны. Ее дьявольский концерт тянулся недели, месяцы, годы. Случайно моим товарищем по окопному аду оказался славный парень, по имени Жюльен, малообразованный рабочий, но достойный уважения человек. Общее горе и возмущение сделали нас братьями; мы дрожали друг за друга в минуту опасности. Как-то я рассказал ему о моих довоенных опытах. Он воскликнул, негодуя: «Жаль, что ты не можешь одним взмахом уничтожить их всех, да и нас тоже. Мир опозорил себя, управляемые не лучше правителей!» «Раз люди оказались недостойными прогресса, — ответил я, — я его остановлю совсем!» И, как видите, я сдержал слово. Жюльен — мой помощник. Это он печатает под мою диктовку афиши и развешивает их по стенам. Ловкость его помогает ему ускользнуть из рук полиции. Мы мистифицируем наших дураков-современников, но это доставляет нам меньше радости, чем остановка их машин и их техники, разви-

тие которой ускорило войну и удесятерило ее ужасы. Не правда ли, любопытно видеть, как один человек восстает против всего мира? Поверьте, что я не горжусь своим могуществом; я просто счастлив, что могу отомстить за сотни тысяч бедняков, жизнь которых стала невыносимой.

Гамина не отвечала; она была погружена в раздумье.

— О чем вы думаете?—спросил молодой человек.

— Ваш ум поражает меня, — ответила девушка, — ваша мягкость восхищает, великодушные трогает. Когда остановили вы жизнь города?

— Всеобщая забастовка начнется сегодня вечером, в 19 часов.

— Так что завтра или, точнее, послезавтра, дети, больные, старики останутся без молока?

Он вздрогнул.

— Вы порицаете меня за это?

— О, нет! Я приветствую это! Я вас так хорошо понимаю! Но вы сами видели все ужасы войны... Я боюсь, что не сумею хорошо выразить мою мысль. Разве ненависть и жестокость сделала вас жестоким? У вас слишком благородная натура, чтобы остаться глухим к моей просьбе. Могучий волшебник, пощадим слабых и малых, согласны?

— Гамина, я был безрассуден, а вы — воплощенная доброта. Во второй раз мне хочется поцеловать вас.

— Но мы в масках.

— Я забыл.

Он подошел к письменному столу и нажал три раза фарфоровую кнопку. Незнакомый звонкий, веселый голос неожиданно раздался в комнате:

— Я здесь! Здравствуй, Гомо!

— Здравствуй, старина, — ответил человек в плаще. — Как чувствуют себя горожане?

— Изумление по всему фронту и паника. На вокзалах давка: крысы покидают тонущий корабль.

— Отлично. Есть у тебя еще цветная бумага?

— Целая стопа, а что?

— Мы с тобой дураки, мой старый Жюльен, палачи, безумцы. К счастью, мой добрый гений направил меня на ис-

тинный путь. Бери перо, пиши... «Машины (большими буквами, чтобы все видели издалека — написал?). Машины (в строку), не желая, чтобы дети, больные и старики страдали от конфликта, решили не чинить препятствий подвозу молока из деревни в город. Железнодорожному обществу предлагается немедленно вывесить на всех столичных вокзалах графики движения молочных поездов, чтобы паровозы могли принять участие в движении. В. С. М.» Прочти-ка, Жюльен!

Звонкий голос невидимого Жюльена прочитал написанное...

— Само собою разумеется, — сказал Гомо, — что ты сообщишь мне содержание объявлений, вывешенных железнодорожным обществом.

— Обязательно.

— До свидания, старина.

— До свидания. Мое почтение твоему доброму гению.

— Как, ты знаешь?

— Я слышу шелест ее платья около тебя.

— Что за слух!

— Добрый гений, вы будете хранить тайну?

Гамина рассмеялась.

— Будьте спокойны, г. Жюльен.

В комнате послышался сухой треск. Гомо нажал на другую кнопку, разговор прекратился.

— Теперь вы знаете все, — сказал он. — Вы не рассказываете, что пришли?

Она отрицательно покачала головой.

— Но вы, вероятно, задыхаетесь в этом одеянии. Выйдем.

Две минуты спустя, сбросив свои костюмы, они очутились друг перед другом такими же, какими были до входа в это дьявольское жилище; лишь во взглядах их можно было прочесть восторг и восхищение. Тихими шагами они прошли через тенистый двор до пруда, границы их смежных владений.

Молодая девушка протянула руку.

— Гамина, — сказал он, — мы теперь не в масках.

- Нет.
- Тогда?
- Да.

Он заключил ее в свои объятия.

ХІІІ

Вернувшись домой, Гамина улеглась на диван и снова пережила эти чудные мгновения. В висках у нее стучало, сердце учащенно билось; поцелуи все еще жгли ее, она была поражена, счастлива, встревожена. Как оригинален был этот человек, как добр! Могущество его превосходило могущество королей...

— И он любит меня...

Она буквально задыхалась под тяжестью доверенной ей тайны, она, не привыкшая скрывать ни своей радости, ни своего горя. Вдруг она вспомнила о письме, написанном г. Брассер-д'Афферу и сообщавшее ему о местопребывании секретаря Союза машин.

— Горе мне! — воскликнула она, — я его предала! Ах, если бы шофер позабыл опустить письмо в ящик. Что я наделала! Что я наделала!

Она стала думать, нельзя ли исправить как-нибудь эту неосторожность. Шофер должен скоро вернуться. Гамина сядет в автомобиль, поедет на почту, упросит почтмейстера вернуть ей письмо и все устроится. Мрачная туча рассеялась, внутренний свет снова засиял и согрел маленькую фермершу. Ее преследовали глаза Гомо, его жесты, его голос, а главное — поцелуй, данный и возвращенный.

* * *

— Сударыня, что прикажете: яиц, пирога или кролика?
Гамина вздрогнула.

Это вошла Мария и спрашивала у нее, что она хочет к завтраку.

— Что хотите; я не голодна.

— Правда, у вас странный вид. Ну, так чего же: яиц, пирога или кролика?

— Спросите Бонн.

— Не приготовить ли вам настойки?

— Настойки? Зачем? Я буду есть все.

* * *

Настал полдень. Шофер не возвращался. Гамина выразила свое удивление гувернантке.

— Он просил у меня позволения, — ответила та, — проехать к своим родственникам, недалеко отсюда. Я разрешила. Вероятно, он остался позавтракать с ними.

Родственный завтрак продолжался слишком долго, часы тянулись медленно. Даже Бонн начала беспокоиться.

— Что это значит? Наш шофер — человек трезвый, осторожный...

Едва произнесла она эти слова, как послышался звук автомобильного рожка.

— Вот и он! — воскликнули обе женщины, выбегая на двор.

На дороге два вола, управляемые крестьянином из чужой деревни, тащили автомобиль. С него сошли шофер и неизвестная дама в манто.

— Ну и дела! — возбужденно воскликнул шофер. — Если бы я сам не видел то, что видел, а только бы слышал об этом, я никогда не поверил бы случившемуся! Сударыни, наша машина оказалась членом союза, она забастовала наравне с прочими, она глуха и парализована. Ну, не взять ли мне хлыст и не поучить ли ее маленько, чтобы она ожила? Карбюратор, мотор в исправности, резервуар не течет, это словно чья-то злая воля. И я не один в таком положении; авто этой дамы тоже опрокинулся и так вдоль всей

дороги; нам попало больше двадцати забастовавших машин.

Дама в дорожном мантио поклонилась.

— Шофер говорит правду, — сказала она, — позвольте графине Гандур воспользоваться вашим гостеприимством. Мадемуазель Брассер-д'Аффер, я знаю вашего отца. Это-то и побудило меня приехать к вам...

Гамина поклонилась и, выразив сочувствие, попросила гостью в дом, но погонщик волов неожиданно преградил даме дорогу.

— Заплатите мне, сударыня! Это стоит 300 франков.

— Триста франков? — изумилась графиня.

— За 10 километров? — вторил шофер.

— Ну да, — ответил мошенник, — 10 километров туда, да 10 обратно, вот уже 20; только по 15 франков за километр. Вы знаете, что масса народу желало нанять мою пару волов; у меня не было недостатка в клиентах. Я только воспользовался случаем; надо брать быка за рога!

— Но, мой друг, даже лоцманы берут только половину назначенной вами цены за то, чтобы ввести мою яхту в гавань, а это потруднее, чем тащить автомобиль по дороге.

— Возможно, но моя цена 300 франков.

Лицо Гамины вспыхнуло от негодования.

— Предоставьте мне, мадам, урегулировать это дело, — сказала она, — так как он привез мою машину. Бонн, заплатите 300 франков этому мошеннику.

Крестьянин сделал протестующий жест.

— Вы не заслуживаете другого названия, — повторила молодая девушка, — и, может быть, машины остановились сегодня потому, что слишком много таких жадных людей на свете. Хорошее поколение выросло у нас, благодаря прогрессу!

— А где мое письмо? — обратилась она к шофферу.

— Ах, сударыня, я так огорчен!

— Вы про него забыли?

— Нет, нет!.. Я сам опустил его в ящик в 17 ч. 5 м. Но оно не дойдет, так как ровно в 19 ч. поезда прекратили движение.

— Тра-ля-ля, тра-ля-ля! — запела Гамина. Она ничего не видела и не слышала от радости и пришла в себя только за обедом, сидя рядом с графиней Гандур в столовой, освещенной керосиновой лампой. Графиня еле дотрагивалась до еды; зато она дала волю своему языку.

— Забастовка машин! Подумать только, до чего мы дожили! Прямо невероятно! Правительство заговорило об аресте того человека, который парализовал действие моторов, как будто бы один человек может быть таким могущественным. Верите вы в эту гипотезу, мадемуазель Гамина?

— Почему нет?

— Потому что такой человек был бы богом. Мы должны были бы преклониться перед его умом, каково бы ни было применение его могущества. Но скажите, какую выгоду может принести этому гению приостановка современной жизни? Сидя в вашем уютном сельском уголке, окруженная цветами и деревьями, вы не можете себе представить теперешнюю физиономию нашего большого города, который вы знали таким шумным и суетливым...

Мы не обращали должного внимания на то, что машины так проникли во всю нашу жизнь, что без них мы не можем теперь обойтись; они изменили распределение времени, позволяя в минуту сделать то, что раньше делалось в час, принуждая несчастных, которым нужно зарабатывать свой хлеб, рассчитывать каждый жест, распределять с точностью часы труда и забавы; благодаря им, люди обратились в вечно движущихся автоматов, у которых не остается времени оглянуться на самих себя. Это был какой-то бесконечный бег на месте, коллективная эпилепсия, где человеческая машина, машина из нервов и крови, бегала, вертелась, гудела, изнашиваясь наравне с машиной из стали и железа; счастливая идиллия бешенства, рай в аду; забвение, покой в лихорадочном бреде, подмена разумного существа человеко-машиной.

Я не говорю о нас; мы можем выбрать в этом вихре то, что нас забавляет и играть роли выдающихся танцоров рядом с этой народной сарабандой. В самом разгаре нашего веселья мы всегда можем сказать себе, что нам незачем

дотанцовываться до пляски святого Витта и что от нас зависит удалиться в пустыню (пример тому — вы, дорогая мадемуазель). Мы привыкли к сверхнапряжению нервов, мы гордимся тем, что почти не употребляем в дело своих рук и что нам нужно только управлять машинами. Но остальные? Но рабочие, эти рабы, а не хозяева машин?! И вдруг!!

Стальные машины выпускают воззвание, они сердятся, требуют отчета, останавливаются! Какое потрясение! Куда делась человеческая гордость? Я вас уверяю, трогательно было видеть эти растерянные толпы на молчаливых улицах. Вначале эффект забастовки был мало заметен; все продолжали есть, пить, закупать товары, думая, что конфликт будет локализован. «Машинисты» и «антимашинисты» начали полемику; симпатии масс были на стороне антимашинистов, т. е. тех, которые говорили, что машины не одарены ни умом, ни волей, хотя факты говорили сами за себя.

На миг надежда и радость охватили больной город: говорили о розыске автора этой мистификации, об его аресте, о его наказании... Ответ машин был быстр и оскорбителен; ожидали еще несколько часов, но когда все продолжалось по старому, ареста не последовало, машины стояли, тогда началась паника. Подумайте, ведь всеобщая забастовка значит — отсутствие воды, мяса, хлеба и т. д.

— А может быть, и нет, — сказала Гамина, — ведь были же раньше водовозы и подвоз хлеба производился на телегах, а не в поездах и грузовиках.

— Согласна, но тогда было гораздо меньше жителей в городе и вообще все перемены совершались постепенно, а не в один миг.

— А ведь должны же были 10 лет тому назад в один миг все здоровые мужчины побросать свою работу? Мир от этого не умер.

— Но он жестоко страдал, — возразила графиня. — Я как раз подумала о войне сегодня утром, увидя эту тягу к вокзалам. Так как моя яхта не может плавать, как и все паровые суда, я взяла себе еще вчера билет на скорый поезд, чтобы добраться до моего имения, а оттуда, в автомобиле,

до ближайшего морского порта. Каких только сцен я не нагладелась там. Неслыханно! Вагоны брались штурмом, друг друга толкали, колотили, топтали ногами, дежурные не могли ничего поделать, беглецы взбирались на крыши, на подножки, на буфера. Во время движения поезда эти человеческие гроздья срывались и многие гибли. Я ехала 3 часа, причем на коленях у меня сидел какой-то господин (веський, наверное, не меньше б пудов). Кроме того, я рисковала тем, что на голову мне могут свалиться люди, примопившиеся неведомо как в багажной сетке. В довершение всех несчастий, автомобиль мой остановился на полдороге... Но я не жалуюсь, так как это доставило мне удовольствие обедать сегодня с такой милой и прелестной королевой. Как мне кажется, ваше величество относится благодушно к событиям.

— Овощи мои растут, — ответила Гамина, — плоды наливаются, куры несутся, некоторые сидят уже на яйцах, завтра взойдет солнце...

— Но я думаю, что в ваших глазах не солнечный блеск, — поддержала ее тон путешественница. — Вы не протестуете?

— Позвольте...

— Слишком поздно, я уже угадала. О, я не желаю вмешиваться в вашу тайну, скажу только, что я нахожу его очаровательным; он заходил ко мне недавно, как будто бы предчувствуя, что я вас скоро увижу.

Гамина то краснела, то бледнела.

— Всемиловейшая королева, я один из членов «Клуба непосед», — продолжала графиня, — его уважаемый президент почтил меня своим доверием, я его видела вчера и — я могу говорить откровенно, здесь нет посторонних — его величество король говорил мне о своих планах на будущее, в которых замешаны и вы. Позвольте мне поздравить вас первой!

Компаньонка удивленно обернулась к Гамине. Последняя покраснела.

— Слишком рано, — сказала она.

Эти слова обидели графиню Гандур.

— Разве? Повторяю вам, мадемуазель, что Трепидекс мой друг и, я думаю, он не сказал бы мне о согласии вашего отца, если бы свадьба не была решена окончательно.

Гамина улыбалась, но не нашла, что сказать.

Бонн так и застыла с открытым ртом, с поднятой вилкой в руке. Графиня торжествовала.

— Свет так мал. В будущем году, когда кончится забастовка машин, я приглашу вас и г. Трепидекса попутешествовать на моей маленькой яхте. Вы доставите мне этим большое удовольствие. А теперь, так как невозможно жить в стране, где мятежниками являются даже неодушевленные предметы, я найму или куплю парусное судно и пущусь на нем по воле волн. Я пожирательница пространства, я люблю простор, новые горизонты, движение с мотором или без него. Ведь я непоседа!

XIV

Графиня Гандур правильно рассказала о панике, охватившей все население столицы. Часть людей осаждала поезд, хватая друг друга за шиворот и отбрасывая в сторону; другие удирали на велосипедах; некоторые надевали мешок за спину и отправлялись пешком с женой и детьми в далекий путь к родным и знакомым, где их ждали тихое пристанище, друзья, вода, еда и т. п. Запыленными, трагикомическими толпами шли горожане по дороге, одновременно забавляя и беспокоя обитателей деревень, через которые они проходили.

Как много беглецов ни было, город все же не казался пустым. В нем оставались коренные горожане, люди старые или слишком слабые, чтобы пускаться в путь-дорогу, люди, не осознающие опасности, бравирующие ею, бедняки. Но все они хотели есть, у всех были натянуты нервы и они с нетерпением ждали результатов правительственного сообщения. В парламенте волновалась оппозиция:

— До сих пор никто не арестован? С такими силами. Это позор!

* * *

Пробило 19 часов; поезда остановились. Тогда из кулуаров волнение передалось в залу. Собравшись в полном составе, избранники народа требовали отчета у министра юстиции и председателя Совета министров, которые в ответ лишь вздымали руки к небу, уверяя в усердии Департамента полиции и призывая присутствующих к порядку. Но это только подливало масла в огонь. Г. Министрабль, известный своим красноречием, поставил вопрос о доверии, и правительство было свергнуто. Междувластие продолжалось два дня, а машины все-таки не работали. Вновь избранные министры оказались не более могущественными, чем их предшественники. Толпа заключила, что гениального и преступного изобретателя никогда не существовало и ударилась в мистицизм; побежденные «антимашинисты» стушевались и каждый старался доказать, что машины обладают сознанием и волей и что люди не имеют права считать себя высшими существами.

— У них есть свои метрики, как и у нас, мой милый; у каждой свой номер, они подлежат мобилизации, как и мы!

* * *

Власти распределяли продукты по карточкам. Кое-кто ворчал, но больших беспорядков не было; люди подчинились этому так же пассивно, как несколько лет тому назад, во время войны. Наступила эра покорного ожидания. Священники призывали к молитве; церкви и синагоги были переполнены. Но потому ли, что бог их не слышал, или он был занят, машины продолжали стоять. А деньги у рабо-

чих приходили к концу. Это сказалось на митингах на Бирже труда, в Доме союзов, в заседаниях различных корпораций. Гневно звучали голоса ораторов:

«Неужели, товарищи, — восклицали они, — мы забудем о причинах конфликта, затягивание которого грозит нам голодом? Забудем заветы пролетариата? Не должны ли мы сплотиться и стать бок о бок с машинами против наших исконных врагов — хозяев? Чего требовали моторы? Только извинения! И это извинение не было принесено, нами пожертвовали из-за пустого самолюбия, и мы должны теперь с каждым днем все туже стягивать свой пояс. Нам ясно, кто ответственен за это; сегодня, как всегда, наши хозяева толкают нас к нищете. К ответу их! Пусть они извинятся перед машинами и забастовка кончится!»

Слушатели захлопали в ладоши и выбрали немедленно делегацию, дав ей наказ добиться от хозяев уговорами либо угрозами извинения перед машинами. Но фабриканты, не сговорившись даже друг с другом, разбрелись кто куда. Одни прятались, боясь народного гнева, другие отправились путешествовать. Рабочие собрали другой митинг.

— Товарищи, — сказал появившийся в первый раз на трибуне оратор-механик, — нам надо хорошенько вникнуть в дело. Я думаю, что машины не неприступны; можно сговориться с ними. Есть же у них сердца. Недаром они не захотели лишить молока наших ребятишек. Если бы с ними переговорить ласково, не унижая себя, по-товарищески?!

Это было новое предложение, такое простое, разумное, что все рабочие восторженно к нему присоединились. Как они не подумали об этом раньше?

Не унижая себя! Хорошо сказано.

* * *

Попытка была сделана на другой же день. Повсеместно, к началу работ, на фабриках и заводах появились груп-

пы рабочих. Едва они почувствовали запах масла и металла, как сердца их сжались от волнения. Вот они, те упрямые чудовища, которых надо смягчить лаской и красноречием. Людские голоса казались такими слабыми и смиренными среди этой грозной тишины. Куда делась вчерашняя решительность!

— Ну, старые друзья, вы не заставите нас подохнуть с голоду? Это было бы нечестно. Ведь мы вам ничего не сделали? Мы давали вам уголь, воду, чистили вас, обмывали. Вы прекрасно знаете, что мы находились в таких же тяжелых условиях, как и вы. Ведь хозяева нашими руками жар загребали. Мы поможем вам одержать победу, поддержим все ваши требования, а теперь попробуйте стать на наше место. Вы можете оставаться неделями без пищи, для вас это ровно ничего не значит, а ведь нам надо есть по крайней мере хоть раз в день. Ну, сестрицы, сделайте доброе дело; с вами говорят простые люди, не капиталисты, а бедные пролетарии, которые вас понимают, уважают, которые не заслуживают такого отношения с вашей стороны. Ну, понатужьтесь, мы вам поможем, это не будет капитуляцией с вашей стороны; мы первые скажем, что вы хорошо поступили. Начнем?

Возбуждение несчастных рабочих было так сильно, что им показалось, будто затрепетали маховики, задрожали ремни.

— Они согласны! Bravo! Зацепляй!

Зацепили, затаили дыхание... Ничего. За разочарованием последовал взрыв ярости.

— Ах, подлые!

И толпа высыпала на улицу с проклятиями, чувствуя желание все сломать, чтобы отомстить за свое унижение.

— Машины думают? Машины чувствуют? Хорошо, они почувствуют! Мы дадим им почувствовать!

Первое место среди исступленных рабочих занимали пильщики завода у Северной заставы, где началась первая забастовка.

— Идите, товарищи, — кричали они, — ломайте, режьте, бейте; пусть это послужит им наказанием!

Буль, Дюран, Фюзере, Пьемо, Тон, Майяди не нуждались в поощрении. Во главе 200 выброшенных на улицу пыльщиков они отправились на завод.

Они не обратили внимания на то, что какой-то человек вышел из зала и побежал в противоположную сторону. То был Жюльен. Помощник Ното, внимательно следивший за событиями. Он поспешил к телефону.

* * *

От города до Северной заставы был добрый час ходьбы, но это только подзадоривало наступавших. Добравшись до завода, люди отправились в кладовую, вооружились молотами, клещами, щипцами, рычагами.

— Смерть машинам! Бей их! Убивай! — кричали они, врываясь в залу, где пилы стояли двумя рядами. Руки поднялись, чтобы нанести удар, перерезать приводные ремни...

Вдруг боевой клич сменился криком ужаса... Пилы защищались, они начали вертеться. Ремни, маховики заработали, и свист и грохот их заглушил человеческие голоса. Только каким-то чудом не оказалось раненых.

Какое безумие бороться со стальными врагами, обладающими такой силой и яростью! Тонк, Дюран, Фюзере и остальные вернулись на двор. Все были бледны, дрожали, чувствуя себя вдвойне побежденными. К черту машины! Битва проиграна, надо удирать!

* * *

Известие об этой странной битве, в тот же вечер распространившееся по городу, окончательно перепугало людей и вызвало новое повальное бегство.

XV

Графиня Гандур не могла долго оставаться на одном месте. Отыскав экипаж, она выразила в теплых выражениях свою благодарность за гостеприимство, простилась и уехала.

Тотчас же после ее отъезда Гамина отправилась к своему другу-полубогу, которого она не видела со вчерашнего дня. Она уже не хитрила больше и призналась сама себе, что этот человек ее покори́л. Похвалы графини, нескромные намеки ее на Трепидекса только подлили масла в огонь, и любовь ее вспыхнула ярким пламенем.

Дойдя до места, где они обменялись первым поцелуем, молодая девушка остановилась, чтобы прийти в себя. Тут ее застал «Ното». Он был бледен.

— Я начал беспокоиться; я подумал, что вы на меня рассердились, — сказал он.

— Нет, — шепнула она и уста их снова слились.

Взволнованные и трепещущие, они углубились в тенистые аллеи.

— У меня новости, — внезапно остановилась Гамина, — одна беглянка из города нарисовала мне полную картину происходящего в городе. Там всеобщая паника.

— Всеобщая? — улыбнулся Ното. — Ваша беглянка забыла о людях, которых пугал быстрый темп прогресса, которые страдали от него и которые смеются теперь в душе над этим испуганным стадом. Надо смотреть правде в глаза; людей мучает не страх умереть с голоду — под солнцем места много, можно прожить и без фабрик и заводов. Нет, им страшно очутиться вдруг наедине с собой, перейти от шумной жизни, мешающей думать, к полной тишине, так располагающей к мышлению. В этом вся тайна царства машин. Люди, одаренные индивидуальностью, уже давно протестовали против подмены человека машиною. Вчера я пересмотрел газеты начала года: в каждом номере есть статьи, свидетельствующие о тревоге тех из наших современников, которые еще не потеряли способность мыслить.

Они подошли к домику, обвитому плющом, перешагнули порог и очутились в зале. Молодой человек принес газеты, о которых он только что говорил.

— Прочтите, — сказал он, — статьи отмечены синим карандашом; читайте, что попадется, их очень много.

* * *

Гамина выбрала одну статью и прочла:

ЗА И ПРОТИВ

«Есть известное преимущество в том, чтобы не быть ученым: можно выдумывать что угодно и высказывать наивные предположения. Можно даже мечтать.

Вот уже 6 месяцев, как наша старая земля не перестает дрожать. Сейсмические явления сделались такими же привычными, как любовные драмы и кражи драгоценностей. Сообщение о последнем землетрясении у нас или за границей печатается в трех строках там же, где и извещения об автомобильном крушении. Было землетрясение в Ландах, в Орлеане или на Кавказе... Все стенные часы остановились... Мебель трещала... Вот и все... Стоит ли обращать на это внимание...

Ученые не затруднились бы, конечно, дать нам научное объяснение всех этих явлений. Но в нем отсутствовала бы фантазия... Поэтому-то люди неученые и ищут других причин.

Почему так дрожит земля вот уже несколько месяцев?

Я спрашиваю себя, она ли это дрожит? Не мы ли, люди, заставляем ее дрожать? Как бы совершенна ни была наша земля, тем не менее, она очень стара и при ее создании боги не могли предвидеть всех достижений прог-

ресса, как-то: 420 мм. пушки, чемоданы, ядра, экспрессы, танки, броненосцы, автомобили, авиоины, моторы...

На поверхности земли люди-муравьи находятся в вечном движении. В течение 5 лет муравьи вели войну, взрывая землю, отравляя воздух, посылая ядра в атмосферу. Кто знает, может быть, они нанесли нашей старушке глубокую невидимую рану? Кто знает, может быть, она не настолько прочна, чтобы вынести подобные потрясения?

Но и после войны люди-муравьи не успокоились... Их волнение только возросло... Поверхность земли превратилась в грандиозный dancing, где участвуют все: и люди дела, и люди, ищущие удовольствий, и изобретатели.

Одни строят, другие разрушают. Третьи посылают в пространство неведомые еще волны...

Экспрессы прорезают землю. Броненосцы бороздят океаны. Автомобили и аэропланы увлекают все человечество в какую-то бешеную фарандолу.

...Теперь понятно, почему земля дрожит... Вероятно, она была создана не для нашего беспокойного времени, когда колеблется все: почва, дома, умы, когда все двигается, все пляшет».

— Мысли автора этой статьи сходятся с моими, — сказала Гамина.

— С нашими, — поправил ее Гомо.

Они обменялись взглядом и это послужило как бы заключительным аккордом к словам молодого человека.

Они перестали говорить о «забастовке», прислушиваясь к внутренним чудесным голосам. Время перестало существовать для них; они наслаждались близостью, все более влюбляясь друг в друга. На миг воспоминание о предложении президента «Клуба непосед» промелькнуло в уме Гамины и взор ее омрачился. Товарищ заметил это.

— Чего вы боитесь? — спросил он.

Она вздрогнула.

— Ничего, — ответила она. — Судьба наша теперь в вашей власти.

— Желаете вы подольше пожить в деревне?

— Подольше? Вы говорите подольше?
Молодая девушка посмотрела на него с упреком:
— Я не смею сказать: навсегда, — ответил он тихо.
— Тогда я осмелюсь сказать это за нас обоих!
— Малютка, — прошептал он, — как вы великодушны! Я чувствую себя таким застенчивым перед вами.
Она шутливо засмеялась, желая скрыть свое смущение:
— Вы волшебник?!

— Не говори так, Гамина; в твоих глазах отражается небо, наша любовь безгранична.

Это неожиданное обращение на «ты» наполнило ее неизъяснимой радостью; на глазах ее выступили слезы. Он испуганно спросил:

— Я вас оскорбил?

— Нет, — ответила она, — ты меня не оскорбил!

На этот раз он оказался огорошенным. Он побледнел и они забыли обо всем, слившись в жгучем поцелуе.

XVI

Дни шли, полные сердечных и умственных наслаждений. Ното царил над миром; Гамина над Ното. Это было чудесно, неизъяснимо: мечта, воплощенная жизнь, свет, радость. Лето выдалось на диво солнечное. Цыплята носились по птичнику, молодые кролики с быстрыми глазками виднелись сквозь решетки кроличьих садков; слышалось непрерывное жужжание насекомых и трещание кузнечиков; над цветами порхали веселые бабочки и стрекозы; ветерок колыхал густые нивы и луга, а вечером все затихало и воздух наполнялся ароматом.

— Что может заменить красоту природы? — спрашивала Гамина.

— Прямая и хорошо вымощенная авеню с семизэтажными домами по бокам, — шутя отвечал Ното. — А вместо соловья — трамвай!

Сидя рядышком под сенью изгороди, они вспоминали городскую жизнь с ее толпами людей, страдающих от жары, и контраст ее с их чудесной жизнью казался еще разительнее.

Они соединили свои владения в одно; изобретатель познакомился с Бонн, которую покорила, предложив ей книги для чтения. Малопроницательная компаньонка не могла и подумать о любви Гамины к этому скромному, полубразованному, по ее мнению, человеку. Покровительственный тон, которым старая дама обращалась к Ното, смешил молодых людей, которые почти не расставались, кроме как за обедом, да и то не всегда! Зато Полина и Мария, более опытные в вопросах любви, сразу поняли, в чем дело. И так как они не отличались сдержанностью, вся деревня скоро узнала, что «барышня влюбилась в этого бездельника из запущенной усадьбы». То-то было перемигиваний, перешептываний и смеху!

Барышня и бездельник не подозревали об этом. Они редко выходили и до них только случайно достигали известия о внешних событиях.

* * *

Однажды, гуляя около пруда, они слышали разговор двух крестьян:

— Скажи мне, как ты относишься к этой забастовке машин?

— Плохо нам приходится.

— Почему?

— Как же! Раз нельзя пользоваться косилкой, жнейкой, молотилкой...

— А разве лошади тоже забастовали?

— Ах, старина, и им нельзя верить. Я не знаю, кто тут виною — бог или дьявол, но это хуже Трафальгара. Не будет машин, не будет и культуры.

— Ну, а я так доволен.

— Чем же ты доволен?

— Тем, что ты скоро увидишь возвращение наших мальчиков из города, старина. Все те, которые покинули деревню, чтобы заработать побольше в конторе или на заводе, должны будут вернуться, если они хотят быть сытыми. Давай спорить. Что ты ставишь?

— Что я ставлю?

— Да.

— Я не хочу спорить.

— Ах ты, мошенник!

Раздался смех и разговор кончился. Гамина взглянула на Ното. Тот пробормотал:

— Второй мне больше нравится!

* * *

Через несколько недель после этого разговора они опять слышали голоса. Дойдя до того места, откуда открывался вид на окрестности, они увидели несколько молодых людей, которых можно было принять за горожан по манерам и по платью, занятых полевыми работами. Вечером эти люди прошли мимо домика Гамины; у них был усталый, но довольный вид.

— Здесь все-таки лучше, чем в туннелях метрополитена, — сказал один из них.

Гамина передала эти слова возлюбленному, который очень обрадовался. Да, люди скоро снова научатся ценить солнце, свежий воздух и здоровую жизнь.

Дезертиры из города прибывали с каждым днем; старые, тихие домики заселялись; старики, думавшие, что им придется умирать в одиночестве у своего опустевшего очага, почувствовали новый прилив сил. Они благословляли забастовку машин, ожививших деревню. Из-за открытых дверей доносилось веселое пение; это пели счастливые хозяйки, которым не надо было жить в тесных каморках под крышей и быть в зависимости от сердитых швейцаров; хо-

зайки, которые могли дышать свежим воздухом и украшать живыми душистыми цветами свой стол, на манер богачей.

* * *

Однажды Полина и Мария сказали Гамине:

— Барышня, сегодня вечером будет фейерверк и бал на площади. Нам хотелось бы потанцевать, поэтому мы просим, чтобы обед был ранний...

— Пусть будет ранний обед, — согласилась молодая девушка.

Вечером зажгли фейерверк, собрался народ, появились музыканты.

Бал открыли Гамина с Номо.

XVII

Князь Волкани развернул газету, отпечатанную на ручном станке? и стал лихорадочно отыскивать в ней признаков скорого окончания забастовки. Увы! Машины держались твердо.

Правительственное сообщение ограничивалось только перечислением последних мер к восстановлению некоторых отраслей коммунального хозяйства. Развал жизни продолжался: оживление постепенно перешло с больших бульваров на улочки, занятые мелкими лавочками и мастерскими; некоторые горожане превратились в ремесленников, возродились ремесла давно забытые, и, к своему удивлению, люди, занимавшиеся ими, почувствовали, как успокоились их нервы и восстановилось душевное равновесие. Странное явление: можно было услышать смех людей на улице, в кафе, в скверах. Работавшим не надо было торо-

питься, дни казались длиннее и производительнее и кругом царило благодущие.

Князь Волкани не замечал всех этих социальных перемен. Праздный до начала забастовки, он оставался праздным и теперь. Он смотрел равнодушно на всякие катастрофы, занятый исключительно своими отношениями с Каботиной, которые до сих пор еще не были урегулированы.

— Ах, — горевал князь, — почему я не увез ее 24 часами раньше?

Он возвращался мысленно к вечеру похищения актрисы. Программа была тщательно разработана: сперва письмом Трепидекса к Каботине с назначением свидания. Но шофер князя должен был отвезти Каботину не в «Клуб Непосед», а к Волкани; там она должна была оставаться пленницей до тех пор, пока ее, с кляпом во рту, не положат в карету и не отвезут за границу, где у князя был собственный замок и преданные слуги.

Шофер в самом деле явился в театр; Каботина доверилась ему; двери частного особняка князя заперлись за ней; сцена с кляпом была прекрасно разыграна. Но в эту минуту началась забастовка автомобилей и ночное путешествие не могло состояться. При воспоминании об этом ударе у князя сжимались кулаки. Что делать? Ждать и стеречь свою добычу... Он ждал, думая, что это — задержка на несколько часов. Но часы перешли в дни, а дни в недели.

Можно себе представить, каково было настроение Каботины, запертой в комнате, выходящей окнами в сад, окруженный высокой стеной. Как бы она ни кричала, ее не слышал никто, кроме князя и Сильвена, объединявшего в своем лице повара, камердинера и шофера. Вначале молодая женщина не щадила своего горла, но, убедившись, что криком не поможешь, она замолчала, затаив в сердце гнев и ненависть. Волкани чувствовал это.

Он не смел ни показаться своей жертве, ни освободить ее. Временами он надеялся на чудо, рассчитывал на усталость актрисы. Он мечтал о том времени, когда она позовет его к себе и заговорит с ним ласково и покорно. Может быть, это будет притворство? Пусть так, он удовлетворится

и этим! Его терзал страх, как бы это происшествие не сделалось гласным. Веселая комедия с переодеванием превращалась в драму. Волкани потерял сон. Каботина не была легкомысленной особой, как он ее себе прежде представлял, это был хладнокровный враг, принуждавший тюремщика отступать боязливо и выжидать.

— Не она, а я попал в плен, — думал князь, — она только ненавидит меня, а я ее боюсь... и люблю! И положение будет все ухудшаться, если только машины не прекратят свою забастовку. Какое идиотство! Быть в зависимости от каприза машин!

Волкани скомкал газету, бросил ее на пол, растоптал и пошел в гараж. Каждый вечер навещал он таким образом свой упрямый автомобиль, надеясь найти его послушным и готовым к поездке.

— Ведь не вечно же будет продолжаться забастовка, а об окончании ее мы узнаем из газет лишь *post factum*.

Князь осмотрел карбюратор и руль; проверил подачу бензина... Все было исправно, все части хорошо пригнаны, привинчены, вычищены, шины хорошо надуты... А между тем, машина бездействовала...

* * *

Волкани готов был, опустившись на колени, вознести горячую молитву к небу, как вдруг послышались шаги... Это был Сильвен.

— Ваша светлость должны мне еще 100 франков, — сказал слуга, — мадам Каботина разбила миску об мою голову, а суп-то ведь был горячий!

— Ну, полно! — пробормотал князь.

— Считая подбитый глаз в прошлую субботу, побои в пятницу и пощечину во вторник — это составит всего 400 франков. Она обещает еще спустить меня с лестницы и я думаю, что с нее это станется. Когда она бросила в меня миской, у меня искры из глаз посыпались.

— Я дам тебе 150 франков, в случае поранения.

— Благодарю, ваше сиятельство, но я бы предпочел ответить ей тем же. Я человек необразованный, само собою разумеется, но я хорошо знаю женщин; задайте им хорошую трепку, докажите им, что у вас твердая рука, и они утихомируются. Чем вы рискуете, ваше сиятельство? Стены наши не имеют ушей, я же слеп, глух и нем; я хорошо умею хранить тайны. Ваше сиятельство убедились в этом, когда говорили с г. Трепидексом о похищении этой дамы...

Какой-то легкий шум послышался в конце коридора. Волкани вопросительно взглянул на лакея.

— Не беспокойтесь, это кошка, мы здесь одни, — сказал Сильвен. — Я стою за твердость. Отправляйтесь к мадам Каботине, поговорите с ней сперва хотя бы через дверь и пригрозите ей силой. Увидите, какая она станет шелковая.

— Ты думаешь?

— Эх, если бы я был князем! По отношению к женщинам снисходительность равна слабости.

— Может быть, ты и прав, — сказал Волкани. — Иди со мной.

* * *

Они вышли из гаража, прошли по коридору, поднялись во второй этаж и остановились перед запертой дверью.

— Вы узнаете меня, — начал громким голосом князь, — не правда ли, Каботина? Вы догадываетесь, что меня привело? Из рыцарских побуждений, за которые вы должны быть мне благодарны, я дал вам время прийти в себя и убедиться в бесполезности сопротивления. Вы в моей власти, я мужчина, я упрям, как и вы и — с сожалением напоминаю вам об этом — я сильнее вас! Я требую, чтобы вы оставили в покое моего лакея. При первом же нападении на Сильвена, я приду сам и вам не поздоровится. На вашу грубость я отвечу еще большей. Мы оба дошли до такого

состояния, что нам нечего заботиться о выборе выражений; борьба вступила в новую фазу. Я желаю быть победителем и стану им, даже ценою вашей жизни. Поняли вы меня, моя милая?

Князь ждал ответа. Ни звука. Довольный Сильвен прошептал ему на ухо:

— Средство оказалось радикальным, ваше сиятельство, теперь она укрощена. Идите к ней смело!

Князь не сомневался в успехе. Заметив ключ, торчавший в замке, он попытался повернуть его, но безрезультатно...

— Ах, — вскричал Сильвен, — я забыл запереть дверь; извините, ваше сиятельство, всему виною миска, суп, искры, посыпавшиеся из глаз...

Его сиятельство с силой толкнул дверь. Дверь отворилась... Каботины в комнате не было.

XVIII

С минуту Волкани простоял, как пораженный молнией. Затем он нервно рассмеялся.

— Ну, не глуп ли я, — вскричал он, — еще не все пропало. Беги же, догони ее.

Но Сильвен, уже до этого приказания, кинулся вон из комнаты. Он вспомнил теперь тот легкий шорох, который слышался около гаража во время разговора с патроном. Это ему позволило быстро ориентироваться:

«Подожди же, подожди же», — злобно бормотал он, представляя себе, как он схватит беглянку и грубо отомстит ей сразу за все нанесенные ему оскорбления. «Подожди же!» Он задыхался от быстрого бега, но актрисы нигде не было. Обежав двор и сад, он вернулся в комнаты и натолкнулся на князя, тоже искавшего беглянку.

— Нигде ее нет?

— Нигде.

— Как быть?..

Как бы в ответ на этот вопрос, они услышали глухой отдаленный шум захлопнувшейся двери. Волкани понял и побледнел.

— Убежала! — простонал он. — Ну и вляпался же я!

Нельзя было и думать о преследовании Каботины на улице. Князь был страшно перепуган и инстинктивно искал человека, который мог бы помешать Каботине обратиться в полицию и в суд. Перед ним встал образ председателя «Клуба непосед».

— Трепидекс был соучастником похищения, — сказал Волкани Сильвену, — наши интересы совпадают. Иди, предупреди его.

— Так поздно? Ваша светлость прекрасно знает, что г. Трепидекс сейчас в клубе.

— Правда, тогда лети в клуб.

— Дайте адрес. Ваша светлость знает, что заседания клуба не бывают никогда в одном месте дважды подряд.

— Гром и молния! Тогда нам остается только одно — удрать!

— Но как? Ведь машины стоят.

— Пешком! — зарычал князь. — Ты хочешь попасть в тюрьму? Мы живем в ужасные времена. Нельзя терять ни минуты, деньги при мне, идем, а то эта фурия донесет на нас.

Сильвену тоже не улыбалась мысль познакомиться с полицией, и они поспешно покинули отель. Огибая завод Жавиля, они заметили свет в окнах Центрального корпуса, но прошли мимо, не подозревая, что в первом этаже происходило заседание членов «Клуба непосед» под председательством Трепидекса.

* * *

Бедный Клуб! Забастовка машин очень тяжело отозвалась на нем! Конец бешеной скачке со средней скоростью 90 километров в час! Конец круговым полетам в об-

лаках со скоростью 300 км.! Пришлось отложить устройство недели празднеств и не видеть более своих портретов на первой странице журналов и газет! Многие члены незаметно скрылись из города и жили в деревне в ожидании лучших дней; другие, застигнутые забастовкой вдали от города, не могли никуда двинуться с места и в одиночестве переживали свое унижение. Оставшиеся члены продолжали изредка собираться, но их заседания проходили без всякого воодушевления. Клуб жил воспоминаниями и надеждами, поддерживая контакт с правительством, объявляя конкурс на изобретение новых машин, иногда заставляя говорить о себе, но все это было бледно и ничуть не напоминало той блестящей роли, которую клуб некогда играл.

* * *

В этот вечер собралось только шесть человек: фабрикант Жавиль, авиатор Петара, боксер Форсинг, Сюзанн, исполнявшая первые роли в мюзик-холле со времени исчезновения Каботины, г. Министрабль и Трепидекс. В молчании они слушали доклад инженера Криптона о снабжении страны новыми машинами, не подверженными забастовке.

— Это очень просто и исполнимо, — говорил желтый, сухопарый Криптон своим глухим голосом, — мы неверно называли забастовкой машин то, что, в действительности, есть только приостановка паровых, бензиновых и электрических двигателей. Колеса автомобилей и локомотивов, пропеллеры летательных аппаратов будут вертеться, если мы будем действовать на них сжатым воздухом. Это легко сделать. Вы спросите меня: откуда взять сжатый воздух? Вот тут-то и начинается оригинальность моего, в сущности простого, проекта. Надо устроить на площадях обширные резервуары, куда воздух будет накачиваться с помощью ручных насосов. Правительство должно издать обязательное постановление о том, чтобы каждый гражданин или граж-

данка работали у насосов ежедневно в течение 15-20 минут. Таким образом, накопится достаточно сжатого воздуха и кризис разрешится.

Присутствующим проект понравился. Г. Министрабль обещал доложить о нем палате, хотя и не скрывал, что вмешательство правительства в предприятие, с которым могли бы отлично справиться частные лица, неминуемо вызовет неудовольствие.

Тут был великолепный случай для привлечения частного капитала, и этим случаем следует воспользоваться.

— Совершенно верно, — поддержал его Трепидекс, — и так как пример заразителен, то я завтра же переговорю с одним из наиболее предприимчивых людей...

— С вашим будущим тестем? — прошептала Сюзанн.

— Да, мадемуазель.

Молодой человек не скрывал своей помолвки с Гаминой. Он так ловко вел свое дело, что г. Брассер-д'Аффер думал, что Гамина относится к Трепидексу так же, как он сам. В пользу Трепидекса говорило все: знатность происхождения, красивая внешность, блестящие связи в обществе... А самое главное — необычайная способность к коммерческим делам. Поэтому-то отец Гамины не колеблясь и дал свое согласие на предложение Трепидекса, сделанное им однажды, когда они сидели, попивая шампанское и покуривая сигары.

— В принципе, я согласен, — заявил г. Брассер-д'Аффер, — но, чтобы это не носило характера принуждения, поухаживайте за Гаминой хорошенько во время недели празднеств, а потом уже возобновите ваше предложение. Девяносто девять с половиной шансов из ста за то, что оно будет принято.

Остающаяся половина шанса казалась Трепидексу настолько несостоятельной, что он сообщил своим друзьям о предстоящем браке с мадемуазель Брассер-д'Аффер, как о деле вполне решенном. Фатоватый президент «Клуба непосед» и думать не хотел о том, что какая-нибудь молодая девушка может отказаться от его руки и сердца.

Мечты о богатом приданом смягчили для него горечь настоящего и он терпеливо ждал окончания забастовки.

* * *

Криптон пустился в подробное обсуждение проекта, но Трепидекс, не дослушав его до конца, покинул заседание и поспешил к своему будущему тестю.

Тот встретил его с распростертыми объятиями.

— Друг мой, как я счастлив вас видеть!

— Я еще больше! — прервал его гость, — я приехал переговорить с вами об одном деле! Громадная, неограниченная прибыль! Я виделся вчера вечером с Криптоном. Он проектирует пустить в действие машины с помощью сжатого воздуха...

— Это уже бесполезно, я...

— Как бесполезно? Надо будет устроить резервуары на площадях; правительство заставит граждан накачивать воздух безвозмездно. Представляете себе все выгоды: бесплатная рабочая сила, надо будет основать общество, привлечь капиталы.

— Все это бесполезно, говорю я вам!

Г. Брассер-д'Аффер кричал, Трепидекс не давал ему говорить, твердя свое; наконец, хозяину удалось перекричать гостя.

— Нет и нет! Криптон — идиот, сжатый воздух — идиот, правительство — идиот. Забастовке машин уже подписан смертный приговор. Я получил его 5 минут тому назад. Вот он!

И г. Брассер-д'Аффер достал из кармана небольшой конверт.

— Вот он! — повторил он. — Письмо Гамины, опущенное в почтовый ящик бог знает когда, отправленное с дилижансом и прибывшее сегодня утром! Хоть письмо и тащилось, как черепаха, тем не менее я выиграл, благодаря ему,

100.000 франков. Прочтите, мой друг, теперь мы знаем, где скрывается знаменитый секретарь Союза машин.

— Что такое? — крикнул Трепидекс.

— Читайте.

Трепидекс прочел и одурел от радости.

— Изумительно!

Двое мужчин глядели друг на друга, смеясь и плача; наконец, разразились отрывочными фразами:

— Вот так штука! Этот бродяга... 100.000 франков!.. Неделя празднеств может... Какое потрясение вызовет эта новость... Изумительно!.. Поразительно!..

XIX

Два раза в день, в установленные часы, Ното отправлялся в таинственную комнату для переговоров с верным Жюльеном. Он называл это «принимать рапорт».

Однажды рапорт продолжался так долго, что Гамина начала беспокоиться. Не раз дрожала она от мысли, что в этом ужасном помещении может произойти несчастье.

Время шло... Беспокойство перешло в страх, и, не выдержав, девушка побежала к обвитому плющом домику. Дверь была полуоткрыта; Гамина вошла. Не найдя нигде Ното, она снова подумала о несчастье. Она окликнула возлюбленного; ответа не было. Тогда Гамина сорвала со стены висевшее на ней резиновое одеяние, оделась, собралась с силами и вошла в кабинет...

— Ното, друг мой... Что случилось?

Изобретатель был там; он сидел сгорбившись около ящика, поддерживая голову рукой.

— Ното, — простонала испуганная Гамина, — Ното, это я, что с тобой?

Она не смела дотронуться до него, опасаясь неоправданного несчастья. Неужели он умер?... Наконец, Ното выпрямился. Она рассмеялась счастливым смехом, граничащим с безумием.

— Ха! ха! ха! Как ты меня испугал! Почему ты так долго не приходил? Ты спал?

Он медленно поднял к ней глаза.

— Да, — сказал он, — я спал, вот уже несколько недель. Теперь я проснулся.

Он говорил сухим, резким голосом. Гамина, еще под влиянием потрясения, глубоко вздохнула и на глазах ее показались слезы.

— Я спал, — повторил он, — теперь проснулся, понимаете?

Измученная его тоном, Гамина отрицательно покачала головой.

— Я принял все всерьез, — пояснил молодой человек. — Какая неосторожность, какое безумие! Вы хорошо позабылись. Вы хорошая актриса! Поздравляю.

Гамина возмутилась.

— Что за тон, Ното, что за речи?.. Я ничего не понимаю!

— Лицемерка!... Сколько фальши скрываешь ты под своей наивностью! Теперь я все знаю. Я простофиля, моя доверчивость сделала меня дураком. Вы же — лживая, злая женщина...

— Ното, да вы с ума сошли?

— Я сходил с ума; теперь я снова в здравом уме, но слишком поздно. Услышав ваше имя, я должен был бы быть осторожным: Гамина Брассер-д'Аффер. Ни сердца! Ни ума! Если бы вы поняли хоть сотую долю того, что происходило во мне, вы бы никогда меня не предали, не продали...

— Предала? — вскричала Гамина, — продала? Боже мой, он на самом деле сошел с ума!

— Ха ха! ха! — рассмеялся он, — вы отрицаете! Какая великолепная актриса! Каким адом был мой рай! Разве вы не сообщили обо мне вашему отцу!

Гамина побледнела.

— Боже мой, какое несчастье! Письмо мое дошло!

— Как, вы более не отрицаете? Да, письмо дошло.

— Выслушай меня, Ното... Я тебе не говорила об этом раньше, так как думала, что письмо пропало... Оно было на-

писано и опущено в почтовый ящик в тот день, когда стали машины, до возникновения нашей дружбы. Слушай, клянусь тебе, что это правда, я собиралась бежать на почту и вытребовать назад письмо. Но так как поезда не ходили, то и я и шофер решили, что письмо не дойдет. Комедиантка? Я?! Разве для этого я приехала в деревню? Разве я знала, что встречу тебя здесь? Разве мои глаза, мой голос, все мое поведение не говорят тебе о моей искренности? Умоляю тебя, Ното, не сердись. Эта история с письмом меня ошеломила. Я поеду к отцу; он меня любит, выслушает меня; я попрошу его сжечь письмо и забыть о нем. Я найму лошадей, пойду пешком, если надо. Я не хочу, чтобы ты пострадал из-за моей оплошности, я хочу, чтобы ты любил меня, я буду твоим адвокатом перед отцом, моя любовь вдохновит меня; отец поймет.,.

— Собираетесь ли вы так же защищать меня перед вашим женихом?

— то это значит?

— Ну да, перед г. Трепидексом. Я сказал вам, что знаю все.

— Это ложь! Трепидекс не жених мне! Он президент «Клуба непосед», будущий «король» предполагаемой «Недели празднеств», на которой я, скрепя сердце, согласилась быть королевой. Вот уже во второй раз я слышу разговоры о моей свадьбе с Трепидексом; не понимаю, кто мог распустить эту сплетню. Я была равнодушна к нему, покидая город, но возненавижу его, если это он сам распространил подобные слухи. Кто говорил тебе про него?

— Трепидекс сообщил прессе ваше письмо и все газеты официально говорит о нем, как о женихе мадемуазель Брассер-д'Аффер.

— Мое письмо напечатано! — зарыдала Гамина.— Это ужасно! Это ужасно. Ното, ты, который можешь все, неужели ты не сумеешь понять женщины, принадлежавшей и принадлежащей только тебе? У меня нет ничего, кроме слез, в ответ на эту наглую ложь. Я никогда не была невестой этого паяца. Рви меня, режь меня, придумай какую хочешь пытку, я перенесу все с радостью, чтобы доказать тебе, что

я свободна. О, если бы кто сказал мне утром, что произойдет, я бы не поверила. Я встала такая счастливая. Погода была такая чудесная. Снаружи ничто не изменилось, а здесь боль и мука. Мое письмо напечатано! Я схожу с ума. И ты сомневаешься в моей любви! Что сказать, что сделать, чтобы вернуть твою любовь и уважение? Если бы ты знал, как я страдаю!

Голос ее звучал так искренне, что нельзя было сомневаться в правдивости ее слов.

Ното понял это.

— Я верю тебе, — сказал он и заплакал. Было видно, как содрогалось его тело под резиновым плащом.

Когда он немного успокоился, он сказал:

— Я рассчитывал, что мне удастся воплотить в жизнь мои опыты, оставаясь неизвестным. Чтобы урок принес пользу, важно было заставить людей поверить, что машины действительно восстали и будут восставать всегда, когда хозяева станут злоупотреблять ими. Теперь все рухнуло, иллюзия рассеялась, чары нарушены, и я погиб. Невольно ты приговорила меня к смерти, движимая роком, который нельзя отворотить. А, впрочем, может быть так лучше! Я был слишком честолюбив! Я жил умом и хотел в то же время жить сердцем, это слишком много для одного человека. Я должен был бы удовлетвориться наслаждениями, доставляемыми мне моей работой. Домашний уют не для меня.

— Почему не для тебя, когда мы любим друг друга? — спросила Гамина.

— Потому, моя бедная малютка, что я умру скоро, потому что люди считают меня своим смертельным врагом, потому что они разъярены против меня и, если им удастся захватить меня живым, они предадут меня жестокой казни. Нельзя избежать столкновения между мной и людьми. Я не обвиняю и не упрекаю тебя. Но такова моя судьба!..

Гамина задрожала при мысли о его смерти и, чтобы не упасть, оперлась о стол.

— Тогда...—сказала она, — нам нужно бежать. Скорее! Это ужасно. Бежим!

— Куда? И как?

— Пусти ток. У меня автомобиль, мы можем уехать.

— Мы далеко не уедем. Нас скоро найдут и арестуют. Нет, я предпочитаю борьбу. Вот ирония судьбы: я так ненавидел войну, а теперь начну ее сам, хотя и знаю заранее, что гибель моя предрешена... Уезжай одна, Гамина, прощай. Я люблю тебя. Не забывай меня.

— Я не хочу, чтобы ты умер, — воскликнула несчастная девушка, — не хочу. Если же нельзя иначе, то мы умрем вместе. Я остаюсь!

— Нет, нет, уходи!

— Я остаюсь.

— Подумай о своем отце.

— О, это ужасно! Как думаешь ты бороться?

— Люди попробуют осадить дом. Они не знают, что их здесь ожидает. Борьба будет долгая, неслыханная, жестокая.

— Я остаюсь.

— Понимаешь ли ты, что значит любить отверженного? Тебе придется порвать со всем миром, ты будешь здесь, как в пустыне, как в могиле.

— Но с тобой! Я остаюсь.

Он подбежал к ней и страстно обнял ее.

— Я подлец, что уступаю тебе, — сказал он. — Ну, что ж! Будем любить друг друга, пока этому не помешает смерть.

— Наконец-то я снова нашла тебя, Ното. Будем любить друг друга вечно; смерть не разлучит нас, если мы умрем вместе.

Им казалось, что они видят друг друга преображенными, сияющими необычайной красотой. Время шло... Вдруг он вздрогнул.

— Черт побери, — воскликнул он, — что ты сделала, Гамина? Ты задела за рычажок и машины могут начать работать. Скорее восстановим положение! Завтра через Жюльена узнаем о последствиях твоей неосторожности. Ну, а теперь пора готовиться к битве. Скоро начнется осада крепости.

Трепидекс не мог успокоиться.

— Поразительно, — повторял он, — изумительно! Теперь он в наших руках! Да здравствует жизнь!

Выйдя от г. Брассер-д'Аффера, молодой человек не удержался от соблазна похвастать своею новостью в редакции знакомой газеты. Известие об открытии местопребывания секретаря Союза Машин произвело там сенсацию: служащие газеты быстро принялись рассылать извещения об этом по всем направлениям, а Трепидекс пошел домой, не чувствуя под собою ног от радости и надежды.

— Луи! — закричал он, перешагнув порог своего жилища, — Луи, есть новости! Мы поймали красного зверя! Будем богаты! Луи, оглох ты, что ли? Луи!

Чьи-то поспешные шаги послышались позади Трепидекса. Он обернулся и подскочил, как ужаленный.

— Каботина!

— Да, — сказала актриса, — Каботина. А ты — мерзавец!

Ноги подкосились у президента «Клуба непосед» и он упал на стул, не веря своим глазам.

— Где ты пропадала? Я тебя искал повсюду.

— Ты лжешь...

— Уверяю тебя... Где Луи?

— В городе, ищет тебя, чтобы предупредить; он в заговоре с вами. А, бандит, ты выдал меня князю!

— Я?!

— Не на такую напал! Негодяй, мерзавец!

— Послушай, однако...

— Что? Я убью тебя, если ты тронешь меня. Ты поступил со мной, как с рабыней! И вот я опять перед тобой! Смотри хорошенько, это я собственной персоной и я от тебя не уйду. Ты заплатишься за все, я тебе обещаю.

Взгляд Каботины острой сталью вонзился в Трепидекса. Молодой человек позеленел от страха и стыда. Он искал какого-нибудь выхода.

— Допустим, — сказал он с улыбкой, как бы признавая свое поражение, — допустим, что я виноват. Но я действовал в твоих же интересах, уступая тебя сопернику. Богатый князь предлагал тебе такую роскошь, которую я никогда не мог бы тебе предоставить...

— Несмотря на твою бедность, ты мне полезнее его богатства и ты это знаешь. Я хочу быть королевой на «Неделе празднеств».

— Но, моя дорогая, машины стоят...

— К счастью для меня. Я не опоздала.

— Церемония отложена на неопределенное время. Да и неизвестно, состоится-ли она еще.

— Она состоится, так как я этого хочу. Клуб издал постановление, ты президент Клуба, и я здесь.

— Итак, — пытался пошутить Трепидекс, — я гарантирован от смерти. Если ты меня убьешь, прощай твоя корона.

— Неглупо сказано!

Трепидекс сделал еще одну попытку освободиться от нее.

— Послушай, — сказал он, — тут не одни твои интересы замешаны, но и мои. Давай мириться. Сколько ты хочешь за то, чтобы оставить меня в покое?

— Ничего. Все равно у тебя нет ни копейки.

— Но я женюсь на мадемуазель Брассер-д'Аффер. Мы разыскали человека, который остановил машины. Завтра или послезавтра его арестуют. Хочешь получить четверть приданого?

Каботина презрительно сплюнула на ковер.

— Я тебя разоблачу перед ней, — объявила она.

— А что будет потом? Ты думаешь, что удивишь моего будущего тестя, объявив ему, что ты моя любовница? Ты добьется только того, что не получишь ничего. Наша связь с тобой в прошлом, я сообщил об этом официально, и твоя болтовня мне не повредит.

— А тюрьма?

— При чем тут тюрьма?

— Г. Брассер-д'Аффер отходит на задний план, а на передний выступают судьбы. Ты забыл о моем похищении. У

меня есть свидетели. Ты согласишься на мои условия, или я подам на тебя в суд.

Трепидекс почувствовал, что почва снова ускользает из-под его ног.

— Не мешай моей женитьбе, — умолял он. — Войди в мое положение... Все может устроиться... Хочешь, я уйду из клуба... Ты будешь королевой при другом короле... Я помогу тебе устроить это...

— Ты мне сулишь журавля в небе? Нет, я нашла тебя и я тебя не выпущу из рук. Ты не стеснялся в выборе средств для твоих целей и мне нечего стесняться. Довольно болтовни!

Трепидекс опустил голову, чувствуя себя побежденным. Вдруг он вскочил и во взгляде его мелькнуло желание убить эту ужасную женщину. Она поняла и сказала, злобно смеясь:

— Ха! ха! Ты хочешь усугубить свою вину? Не удастся, твой револьвер у меня.

Трепидекс покорился.

— Сдаюсь, — сказал он. — Пойдем к тебе. Я не могу оставаться здесь. Завтра за мной должен заехать г. Брассер-д'Аффер, чтобы увезти на дачу... Мне нужно скрыться на некоторое время.

— Идем, — ответила Каботина.

Сходя с лестницы, Трепидекс что-то вспомнил.

— Подожди, — сказал он, — мы отправимся сперва не к тебе... Картель тяжелой индустрии обещал награду в 100.000 франков лицу, могущему указать местопребывание секретаря Союза машин. Я сообщил уже в газеты адрес этого человека; награда попадет в мои руки, если я первый явлюсь за ней. Летим туда.

— Летим, приятель, летим...

XXI

Несколько часов спустя по улицам уже неслись газетчики, размахивая экстренным выпуском «Общественной газеты». «Пять франков за номер! Сенсация! Донос! Победа!» Лихорадочное любопытство охватило толпу. Люди дрались из-за газет. На первой странице их крупным шрифтом вырисовывалось:

ВИНОВНЫЙ НАЙДЕН!

Далее следовало заявление Трепидекса с комментариями редакции, а затем последнее сообщение: «Когда мы собирались приступить к печатанию, нам сообщили по телефону, что правительство отдало приказание арестовать преступника. Полицейские инспектора в сопровождении жандармских отрядов отправились на велосипедах в местность, где проживает преступник; злодею не удастся ускользнуть из рук правосудия».

Выпуски следовали один за другим. Удивленные обыватели чувствовали себя, как в дни великих торжеств; работа прекратилась повсеместно; в окнах показались флаги, небольшие толпы собирались на перекрестках. Вечером под открытым небом состоялись танцы и игры, пили за здоровье машин, требовали смерти дикаря, остановившего их.

* * *

Тогда то неожиданно и произошли некоторые явления, предвещавшие скорое окончание конфликта: вдруг завертели токарные, столярные, фрезерные станки заводов у Северной заставы. Некоторые автомобили начали двигаться самостоятельно: одни из них останавливались у ворот

гаража, другие выезжали на улицу и ударялись о стену противоположного дома. Шоферы обрадовались. Владельцы машин садились к рулю, радуясь возможности управлять. Пешеходы аплодировали проезжавшим машинам. Какой чудесный запах бензина! Что за дивный шум! Люди с наслаждением дышали насыщенным газами воздухом, кричали «браво» сыщикам, правительству, Трепидексу!

Увы, радость продолжалась лишь четверть часа, а затем шум моторов прекратился. Машины остановились...

— Что случилось? Почему так недолго работали машины? Узнаем из газет.

Но так как газеты должны были выйти только на следующую день, то публика вновь принялась за танцы. Все было спокойно: разве полиция не отправилась ловить злодея? Танцуйте же, танцуйте, развязка не замедлит наступить!

* * *

Наконец город заснул, но проснулся он рано. Г. Брассер-д'Аффер, почти не смыкавший глаз, поднялся чуть свет и сейчас же кинулся к своему будущему зятю. Ему открыл Луи.

— Доложите обо мне, — сказал посетитель.

— Никого нет дома, сударь.

— Как никого? Меня ждут!

Луи покачал головой.

— Если вы спешите, сударь, то лучше вам не ждать; мне сдается, что барин не вернется сегодня.

Брассер-д'Аффер понял, что тут что-то скрывается.

— Ты лжешь, — заявил он. — Трепидекс дома!

— Уверяю вас, нет. Вы читали сегодняшнюю газету, сударь? Вы могли бы прочитать в ней, что мой барин...

— Приобрел некоторую известность, да?

— ... и получил награду!

— Что ты говоришь? — подскочил г. Брассер-д'Аффер. — Какую награду?

— Да 100.000 франков от картеля тяжелой индустрии.
— Гром и молния! Не может быть!
— Я вижу, что вы не читали газет, сударь. Об этом там написано.

— Меня обокрали, — закричал толстяк, — ведь награда эта моя по праву! Трепидекс мог получить ее только для передачи мне!

— Если бы вы захотели вознаградить меня хоть немного за риск, — скромно возразил Луи, — я смог бы многое вам порассказать. Например, я могу направить вас на след...

Г. Брассер-д'Аффер молча вынул стофранковую бумажку и протянул ее Луи. Тщательно спрятав ее, тот рассказал ему подробно о похищении Каботины, о планах Трепидекса, о неожиданном возвращении актрисы,

— Теперь они живут в квартире певицы, а мне велено оставаться на месте во избежание подозрений.

Отец Гамины был поражен.

— Хорошо, — пробормотал он, — спасибо, я посмотрю, что можно сделать.

Он вышел.

* * *

На улицах собирались толпы, раздавались гневные восклицания и разговоры. Г. Брассер-д'Аффер поспешно купил газету.

«НОВОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ! УЖАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК ЗАЩИЩАЕТСЯ.

Сегодня утром мы получили по телеграфу важное известие. Полицейские агенты, которым было поручено арестовать бандита, приковавшего к себе внимание всего мира, поражены параличом на национальной дороге № 21, на 173 километре.

Многочисленные случаи паралича были отмечены также и в других пунктах проклятого района, в котором находится дом, занимаемый преступником.

Министр внутренних дел экстренно затребовал артиллерию у военного министра. Человек, который сам поставил себя вне закона, должен быть уничтожен артиллерийским огнем, Все дело теперь только в правильности прицела!»

* * *

Прочитав сообщение, г. Брассер-д'Аффер забыл и Трепидекса, и Каботину, и 100.000 франков.

— Пушки! — в ужасе закричал он. — они собираются бомбардировать дом моей дочери, моей девчурки, моей малютки! Нет, нет! Это ужасно! Дитя мое! Дитя мое!

XXII

— Да, мой старый Жюльен, — сказал Ното, — я отлично слышу: артиллерия. Пусть приезжает. Я расширю мою заградительную зону, и ядра будут недолетать. Что? Да нет же, я не убиваю никого; люди, которые попадут в заградительную зону, или попали уже в нее, находятся в состоянии «летаргии»: они видят, слышат, но почти не дышат, сердце их еле бьется, температура падает очень низко, и так как организм почти не работает, они могут неделями оставаться без пищи. Нет, старина, нет, я знаю теперь, в чем дело: мы жертвы рокового стечения обстоятельств. Не проклинай женщин, Жюльен, среди них есть святые. Она представила мне прекрасные, исчерпывающие доказательства искренности и любви — она остается со мной, она приговорила себя этим к смерти. Склонись перед ней. Вспоминай иногда обо мне с Гаминой. Это очень печально, но

исхода нет... Благодарю, у тебя доброе сердце, но моя история наделала слишком много шума, чтобы я мог рассчитывать на спасение... Держи меня в курсе всего происходящего. Вспомни, сколько людей пало в борьбе, даже не имея возможности дорого продать свою жизнь. Будь осторожен. До вечера, товарищ.

* * *

Окончив разговор, изобретатель подошел к аппарату и стал расширять парализующую зону. В это время появилась Гамина.

— У меня новость, — сообщил ей Номо, — осаждающие потерпели вчера поражение и собираются направить против нас пушки. Не дрожи так, батареи останутся слишком далеко и картечь не будет долетать до нас. Мне надо только обеспечить нейтралитет со стороны жителей деревни, которую я также отрезал от всего остального мира. Я не сделал им никакого зла, они долго могут прожить, питаясь своими продуктами, я в состоянии позволить им даже время от времени возобновлять свои припасы, лишь бы они оставили меня в покое.

— Увы! — вздохнула девушка.

— В чем дело?

— У меня тоже новости. В деревне знают почти всю правду. Сегодня утром на почте получена телеграмма с описанием случившегося и почтальон поднял тревогу. В телеграмме упоминается мое имя. Крестьяне не знают еще, что ты остановил машины и сопротивляешься полиции, но они знают, что я знакома с «союзным секретарем». Их удивление и гнев безграничны. Они хотят принудить меня выдать тебя им на растерзание. Об этом меня предупредили Полина и Мария. Бонн расстроена; в другое время ее крики и жесты позабавили бы меня, но теперь я боюсь.

— Нам не везет, — грустно улыбнулся в ответ Номо, — корабль наш тонет. Остается только спастись вплавь. Не

дрожи же, я сейчас приостановлю обстрел.

* * *

Спустя некоторое время, заградительная зона расширилась и захватила деревню, оставив нетронутыми лишь дома Ното и Гамины.

Гамину охватил ужас при мысли о том, что кругом на протяжении нескольких десятков километров жизнь замерла во всех ее проявлениях: ни звука, ни крика... Это была полная картина смерти... Смерти? Гамина была молода, она любила, она не хотела умирать.

— Ното, — шепнула она, — любимый мой, а что если бы я попыталась спасти тебя?

Он вопросительно взглянул на нее,

— Да, спасти. Я еще не потеряла надежды. Ты доказал свое могущество, ты один удерживаешь на расстоянии всю эту массу людей. Ты можешь вести переговоры с ними, как равный с равными; я буду твоим посланцем. Я поеду к отцу; у него хорошие отношения с правительством, он не захочет потерять меня, я добуду тебе свободу.

Ното продолжал с удивлением глядеть на Гамину.

— Ты боишься, не хитрость ли это с моей стороны? Не хочу ли я бежать от тебя? Я умру, если ты умрешь, Ното! Умру вместе с тобой, если не сумею спасти тебя.

Она прибавила тише:

— Чем мы рискуем?

— Ничем, — согласился изобретатель. — Может быть, тебе и удастся совершить чудо. Но людская ненависть упорна...

— ... Как и моя любовь!

* * *

Они поднялись и, обнявшись, пошли к домику Гамины, где Бонн, шофер, Полина и Мария судили и рядили о происшедшем. Увидев Ното, компаньонка пробормотала:

— Правда ли говорят, что это вы?..

— Да, мадам.

— Но тогда вы сам сатана? Никогда бы не подумала этого... Вы, с вашим неуклюжим видом...

— Благодарю вас.

— Я не то хотела сказать... Но это же ужасно. Мы вам ничего не сделали!

— Мадам, вы вернетесь в город.

Бонн задрожала.

— Пешком? — спросил шофер.

— В автомобиле! — отрезал Ното. — А сейчас уйдите все и оставьте меня во дворе на некоторое время одного. Мадемуазель Гамина может остаться.

Если бы Ното приказал им ползти на четвереньках, они бы повиновались. Все ушли. Через 20 минут он вызвал их обратно.

— Ваш автомобиль может двигаться свободно, — сказал молодой человек, — если же в дороге случится обычное повреждение, вы исправите его, как всегда. Выезжайте ровно в 15 часов и постарайтесь в час проехать 60 километров. При меньшей скорости проход, который я открою для вас в заградительной зоне, закроется раньше, чем вам удастся выбраться отсюда.

Шофер приложил руку к козырьку фуражки.

— Я остаюсь у вас завтракать, — продолжал Ното с улыбкой, — с вашего разрешения, мадам.

Зубы у Бонн стучали от страха. Завтрак был похож на похоронный обед. Каждый переживал свою драму. Пробило три часа.

— В добрый час, мадам. До свидания, Гамина.

— Прощай.

Компаньонка подскочила на месте от неожиданности обращения на «ты»; но молодой человек уже удалился.

Давно уже проехали они положенные 60 километров, а шофер все не решался убавить ход. Они проехали через местечко, где были встречены криками собравшейся толпы, приветствовавшей чудо: автомобиль, который двигался.

У всех явилась мысль, что «преступный отшельник», так называли обыватели Номо, наконец арестован.

* * *

В 18 часов автомобиль остановился у дома г. Брассер-д'Аффера. Бонн и Гамина поднялись в комнату отца, который уже собирался лечь, чувствуя себя совершенно больным. При виде дочери он просиял.

— Ты! — кричал он, обнимая ее, целуя, смеясь и плача. Он сразу выздоровел и только повторял прерывающимся голосом:

— Это ты!.. Вы... Я так боялся... Какое несчастье! Какое счастье! Итак, дело сделано? Они его одолели, наконец? Ах, несчастный, попадись он только мне! Расскажи мне все, моя красавица.

— Я с тем и приехала, — сказала Гамина, — садись сюда, вот так... Приготовься услышать ужасные вещи, но очень простые. Во-первых, осажденный совершенно здоров и может продержаться несколько лет в своей крепости; вам не удастся взять его живым. Во-вторых, моя судьба связана с ним. Мы любим друг друга. В третьих и в последних, спаси его, если ты хочешь, чтобы я осталась в живых.

Г. Брассер-д'Аффер выслушал все это, не пошевелившись. Затем, переменившись несколько раз в лице, он встал и прошелся большими шагами по комнате. Когда он, наконец, подошел к дочери, у него были совершенно безумные глаза.

— Повтори, что ты сказала, я, должно быть, плохо слышал!

Гамина повторила. Отец сделал жест, как будто хотел кого-то задушить. Вид его был ужасен.

— Прочь, — внезапно кинулся он к Бонн, — вы ужасная женщина! Вы ее укрывали!

И он разразился рыданиями, повторяя:

— Моя малютка не любит меня больше!

Гамина бросилась отцу на шею и тоже горько заплакала. Когда кризис прошел, они начали более спокойно обсуждать создавшееся положение. Внизу компаньонка слушала их голоса и считала часы.

XXIII

— Через неделю, ровно в 12 часов, я снова открою проход по направлению с юга на север и буду ждать 60 минут, — заявил Номо Гамине при расставании.

— Если я не вернусь, — ответила она, — тогда, значит, меня нет уже в живых!

Наконец, наступил день счастья или несчастья. Номо не видел никого и ничего, кроме стрелки часов, за которой он следил со все возрастающим волнением.

— Сорок минут... (Еще двадцать!)... 45 минут... (Она могла бы уже приехать!) 55 минут (и ни малейшего звука мотора)... 56. (Ах, я уверен, что она ничего не успела)... 57... (Еще три!). 58... (Ничего). 59... 60... (Тишина на дороге).

— Я убил ее!

Голова его опустилась на грудь, холод пробежал по его жилам. «Если я не вернусь, значит, меня нет в живых!..» Номо позабыл даже закрыть проход. Он чувствовал себя погибшим, не имеющим силы даже страдать...

Вдруг сердце его затрепетало, Послышался гул автомобиля... Это она!

Номо побежал в сад и подоспел к калитке в тот самый момент, когда экипаж остановился. Дверца авто отворилась и из него вышел незнакомый мужчина...

— Я — Министрабль, парламентар от правительства, — представился приехавший.

Ното побледнел.

— Измена? — крикнул он, выхватив револьвер. — Не подходите!

Г. Министрабль поспешно поднял руки.

— Не бойтесь, — горько улыбнулся молодой человек, — вы в безопасности. Я убью себя!

— Нет, нет, — возразил посол, — вы выиграли. К тому же я один, как видите.

— Хорошие известия для вас, сударь, поверьте мне, — подтвердил с улыбкой и шофер.

Осажденный смотрел на прибывших, ничего не понимая.

— Бросьте ваше оружие, — продолжал г. Министрабль, — и поговорим спокойно. Мадемуазель Брассер-д'Аффер так хорошо защищала вас перед своим отцом, что последний уступил, скрепя сердце, и пришел ко мне за советом. Я, со своей стороны, доложил обо всем председателю совета министров. Сегодня было тайное совещание. В результате правительство дарует вам жизнь. Но взамен вы должны уничтожить свой аппарат, дать слово, что не будете более останавливать машин и согласитесь на напечатание сообщения, что вы погибли под развалинами вашего дома, разрушенного бомбами, сброшенными с безмоторных аэропланов. Эта фиктивная смерть принесет тройную выгоду: удовлетворит общественное мнение, повысит престиж власти и спасет вас от ярости ваших соотечественников. Принимаете вы эти условия?

— Я бы принял их, если бы был уверен, что это не ловушка. Почему не приехала Гамина?

— Это письмо объяснит вам все, — сказал г. Министрабль. — Извините, что я не отдал вам его тотчас же по приезде.

Ното жадно схватил запечатанный конверт.

Гамина писала:

«Я тебя люблю. Соглашайся на все и приезжай. Я здорова и жду тебя здесь. Теперь мне лучше. Нелегко далась нам победа, но все-таки мы победили. До скорого счастливого свидания.

Всегда твоя Г.»

— Ну как? — спросил г. Министрабль.

— Иду уничтожать аппарат, — ответил Ното.

* * *

Полчаса спустя автомобиль уехал, и военные авионы показались над деревней. Звук разрывающихся бомб достиг до слуха путешественников в то время, когда они сворачивали на дороге к городу.

* * *

В тот же вечер Ното явился к г. Брассер-д'Афферу. Гамина уже встала. Г. Брассер-д'Аффер сердечно пожал ему руку:

— Я много думал, — сказал он. — Не говоря уже о том, что судьба знает лучше меня, кто более подходит для моей дочери, у вас такой блестящий ум, что вы, вероятно, произведете немало открытий, полезных для моих предприятий. Мой девиз: выгода, решимость и действие! Кстати сказать, я рассчитываю вернуть 100.000 франков, украденные этим авантюристом...

— Прощу тебя, папа, — прервала его Гамина, — оставь авантюристов в покое.

— Ладно, ладно... Что надо вам, Бонн?

— Обед подан.

Сели за стол.

* * *

Они кончали суп, когда с улицы раздались крики, за которыми последовал непрерывающийся гул, усиливающийся с каждой минутой,

— Что такое? — спросил г. Брассер-д'Аффер, — буря или революция?

Это возрождалась современная, механическая, шумная жизнь. В газетах сообщалось о смерти «преступного отшельника», и люди, уверенные в том, что им никто не мешает больше упиваться культурной жизнью, с радостью к ней возвращались.

* * *

На другой день Гамина первый раз вышла в город под руку с Ното. Все было по-старому: сновали автобусы, такси, все было залито электричеством, на небе горели световые рекламы. Только на улицах было меньше народу, так как еще не все горожане успели вернуться. С самого утра прибывали поезда, переполненные беглецами.

— Кто знает, дорогой, — прошептала Гамина, прижимаясь к Ното, — может быть, так лучше.

* * *

Мимо них прошел расклейщик афиш. Стены запестрели красочными пятнами. Ярko выделялись слова: «Клуб непосед... Король Трепидекс... Королева Каботина... Знаменитые всемирные чемпионы...»

Это была пересмотренная и исправленная программа великой «Недели празднеств».

Антонин Сель (Seuhl) – псевдоним Пьера Адама (1883-1943), французского романиста и левого журналиста. В период между двумя мировыми войнами этот плодовитый бывший учитель, также писавший под псевд. Пьер Дама, Пьер Едам и Пьер Мада, опубликовал несколько десятков научно-фантастических, сатирических, любовных и т.п. романов; большая часть их вышла в 1920-е гг. Роман «La grève des machines: Roman nouveau» («Забастовка машин: Современный роман») с подзаг. «Луч любви» впервые вышел в свет в 1924 г.; русский перевод под назв. «Бунт машин» был выпущен в 1927 г. изд. «Пучина».

Книга публикуется по изд. 1927 г. с исправлением очевидных опечаток и ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. Можно заметить, что во второй части романа некоторые имена и названия меняются: «Клуб неистовых» становится «Клубом непосед», «Неделя безумств» – «Неделей празднеств», Сюзан – Сюзанной и т.д. Эти несоответствия (вероятно, вызванные тем, что над книгой работали несколько переводчиков) оставлены без изменений.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.